

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССЛXXXIX.

1893.

ОКТЯВРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, № 80.

1893.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ	26
Ив. Н. Ждановъ. Василій Вуславичъ и Волкъ Вославъевичъ (продолженіе).	237
Д. О. Вѣляевъ. Облаченіе императора на керченскомъ щитѣ	321
В. О. Миллеръ. Выписки о Саурѣ и ородныя по содержанию	374
Н. А. Любимовъ. Старое и новое о нѣкоторыхъ изъ простѣйшихъ физическихъ явленій	411
В. П. Вузескулъ. Вопросъ о новооткрытой 'Αθηναίων Πολιτεία (окончаніе)	450
С. Л. Штацицкій. Къ исторіи литовскаго права послѣ третьяго статута	489

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

А. Л. Петровъ. <i>Е. Савосъ</i> . Христоматія церковно-славянскихъ и угро-русскихъ литературныхъ памятниковъ, съ прибавле- ніемъ угро-русскихъ народныхъ сказовъ на подлинныхъ парѣчіяхъ. Унгваръ. 1893	516
Амф. С. Лебедевъ. Отвѣтъ г. Цвѣтаеву	549
— Книжныя новости	570
— Наша учебная литература (разборъ 10 книгъ).	17

СОВРЕМЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ.

— Наши учебныя заведенія: Состояніе преподаванія древ- нихъ языковъ въ С.-Петербургскихъ гимназіяхъ и учи- лищахъ при церквахъ иностранныхъ консульствъ	46
А. О. Ивановскій. С. М. Георгіевскій (некрологъ)	68

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Ю. Ф. Зѣлинскій. Докимація мальчиковъ по Арстофану и Ари- стотелю	1
В. И. Петръ. Вновь открытыя памятники античной музыки	3

Редакторъ В. Васильевскій.

(Вышла 1-го октября).

ОБЛАЧЕНІЕ ИМПЕРАТОРА НА КЕРЧЕНСКОМЪ ЦИТѢ ¹⁾.

Въ январѣ 1891 г. въ Керчи, на сѣверо-восточномъ склонѣ горы Митридата была случайно открыта древняя катакомба. Хотя она уже была давно раздроблена кладонскателями, тѣмъ не менѣе въ ней найдено было нѣсколько важныхъ и цѣнныхъ археологическихъ предметовъ, изъ которыхъ первое мѣсто по важности и цѣнности принадлежитъ серебряному блюду, имѣющему въ діаметрѣ 0,25 метра, въ 1 ф. 58 зол. 60 долей вѣсомъ. На вогнутой сторонѣ этого блюда изображенъ всадникъ въ діадемѣ съ копьемъ въ рукѣ, сзади его тѣлохранитель, а впереди Ника съ вѣнкомъ. Въ виду археологической важности этого памятника, который тотчасъ по нахожденіи былъ доставленъ въ Императорскую археологическую комиссію, предсѣдатель этой комиссіи, графъ А. А. Бобринскій, обследовавъ катакомбу, въ которой найдено было блюдо, собравъ и провѣривъ свѣдѣнія о находкѣ, начертилъ планъ мѣста находки, который и воспроизведенъ во введеніи къ ниже названному изданію.

Убѣдившись такимъ образомъ въ подлинности серебрянаго блюда и полагая, что этотъ памятникъ будетъ представлять большой интересъ не только для археологовъ и художниковъ, но и для историковъ, Императорская археологическая комиссія „признала полезнымъ за объясненіемъ его обратиться одновременно къ двумъ лицамъ: профессору университета въ Грацѣ Іос. Стржиговскому и профессору С.-Петербургской духовной академіи Н. В. Покровскому“. Оба ученые изъявили согласіе на исполненіе порученія комиссіи и скоро представили свои изслѣдованія, которыя и составляютъ, со введеніемъ комиссіи, 8 № „Матеріаловъ по археологіи Россіи, издаваемыхъ Императорскою архе-

¹⁾ По поводу изслѣдованія *Іос. Стржиговскаго*: Византійскій памятникъ, найденный въ Керчи въ 1891 году.

ологическою комиссією" (Сиб., 1892, 37 стр. 4°, съ тремя таблицами и политипажами въ текстѣ, кромѣ великолѣпнаго хромолитографированнаго изображенія самаго блюда).

Оба изслѣдователя справедливо относятъ керченское серебряное блюдо къ подноснымъ, или коммеморативнымъ щитамъ (*clipei votivi*), экземпляры которыхъ, хоть и немногочисленные, имѣются въ разныхъ европейскихъ музеяхъ; оба видятъ въ изображеніи на щитѣ сцену триумфальнаго въѣзда императора; оба, наконецъ, въ ѣдущемъ на конѣ побѣдитель склонны видѣть не какого нибудь неизвѣстнаго императора, а именно Юстиніана I Великаго. Я не стану входить здѣсь въ разборъ доказательствъ и замѣчу только, что хотя оба почтенные ученые сходятся на Юстиніанѣ, тѣмъ не менѣе основанія ни того, ни другаго не кажутся мнѣ убѣдительными. Характеристика вѣнщины Юстиніана, которую дѣлаетъ Прокопій Кесарійскій и которая повторяется у нѣкоторыхъ хронистовъ, говорить, на мой взглядъ, противъ признанія въ изображенномъ императорѣ именно Юстиніана I. Противъ говорятъ и тѣ изображенія этого императора, рисунки которыхъ рядомъ съ письменными свидѣтельствами даны проф. Покровскимъ на стр. 34-й и въ таблицахъ.

По тѣмъ и другимъ Юстиніанъ I имѣлъ круглое лицо (*στρογγύλοψος*), а у императора, изображеннаго на керченскомъ блюдѣ, лицо очень длинное. Затѣмъ Юстиніанъ былъ довольно полный, хотя и не очень толстъ, между тѣмъ какъ императоръ керченскаго блюда можетъ быть названъ скорѣе худощавымъ и сухимъ, чѣмъ полнымъ. Стоитъ только сопоставить портретъ Юстиніана I на медальонѣ, на которомъ принадлежность портрета именно Юстиніану засвидѣтельствована надписью, съ изображеніемъ императора на керченскомъ блюдѣ, чтобы убѣдиться въ несходствѣ этихъ двухъ изображеній.

Для меня не совсемъ понятно, какимъ образомъ проф. Покровскій могъ привести изображеніе на Юстиніановомъ медальонѣ въ доказательство того, что и въ изображеніи императора на керченскомъ блюдѣ мы имѣемъ портретъ Юстиніана I.

Изъ приложенныхъ къ изслѣдованіямъ гг. Стржиговскаго и Покровскаго рисунковъ съ изображеніями римскихъ императоровъ, императоръ керченскаго блюда всего болѣе похожъ на Феодосія Великаго и его сыновей, какъ они изображены на щитѣ Феодосія 388 г., найденномъ въ Эстремадурѣ (1847 г.) и хранящемся въ Мадридѣ (см. V табл. въ рассматриваемомъ нами изданіи). Равеннскіе мозаичные портреты Юстиніана I, особенно въ храмѣ св. Аполлинарія, также мало предста-

вляють сходства съ изображеніемъ керченскаго блюда, какъ и портретъ медальона. Принимая во вниманіе, что другихъ болѣе или менѣе вѣскихъ и убѣдительныхъ доказательствъ въ пользу того, что на керченскомъ блюдѣ или щитѣ мы имѣемъ изображеніе именно Юстиніана, не представляется ни проф. Стржиговскимъ, ни проф. Покровскимъ, я считаю ихъ предположеніе весьма сомнительнымъ и во всякомъ случаѣ нисколько не доказаннымъ, хотя съ своей стороны не могу назвать другаго императора, изображеніе котораго мы должны были бы видѣть на керченскомъ щитѣ. Несомнѣннымъ можно считать только то, что изображеніе императора относится къ IV—VI вв., когда восточно-римскіе императоры, по римскому обычаю, еще брили бороды, а не отпускали ихъ, какъ это было потомъ.

Но вопроса о томъ, какой именно императоръ изображенъ на керченскомъ щитѣ, ни г. Стржиговскій, ни г. Покровскій не считаютъ главнымъ и оба рѣшаютъ предположительно. Потому и я не буду останавливаться на этомъ вопросѣ.

Главнымъ вопросомъ, возникающимъ при обсужденіи керченскаго серебрянаго щита, проф. Стржиговскій считаетъ вопросъ о костюмѣ императора-всадника (стр. 14), при чемъ изъ частей костюма останавливается преимущественно и главнымъ образомъ на кафтанѣ, или туникѣ, такъ какъ только этотъ предметъ облаченія императора-всадника требовалъ особенныхъ разъясненій и доказательствъ, между тѣмъ какъ другіе предметы облаченія, какъ діадима, обувь и штаны, не представляли затрудненій для проф. Стржиговскаго и могли быть названы безъ особенныхъ разсужденій соответствующими именами. Въ виду этого и я останавлиюсь здѣсь главнымъ образомъ на этой части костюма императора-всадника, тѣмъ болѣе, что разсужденіи г. Стржиговскаго объ этомъ предметѣ я считаю несостоятельными, и выводы его несогласными съ тѣми данными, которыя находятся въ цитруемыхъ почтеннымъ профессоромъ литературныхъ и художественныхъ памятникахъ и которыя привели меня къ другимъ заключеніямъ и выводамъ, высказаннымъ ранѣе появленія въ свѣтъ трактата проф. Стржиговскаго о керченскомъ щитѣ ¹⁾. Чтобы читатель могъ судить, кто

¹⁾ Я разумѣю свомъ *Byzantina*, кн. II, въ которой, при изложеніи торжественныхъ выходовъ въ храмъ св. Софіи, и вкратцѣ говорю о той туникѣ, за которую г. Стржиговскій принимаетъ туннику императора-всадника на керченскомъ щитѣ. Книга была напечатана въ маѣ прошлаго года, а осенью, когда уже изслѣдованія гг. Стржиговскаго и Покровскаго вышли въ свѣтъ, печатались объясненія къ таблицамъ, при чемъ я указалъ на несостоятельность взгляда г. Стржиговскаго и обѣщалъ поговорить объ этомъ подробнѣе. Настоящая статья и представляетъ собою исполненіе этого обѣщанія.

изъ насъ болѣе правъ и чьи выводы основательнѣе и вѣроятнѣе, я считаю необходимымъ сперва привести основанія и доказательства проф. Стржиговскаго, разобрать ихъ и затѣмъ привести факты и доказательства въ пользу своихъ мнѣній. Правда, мнѣ придется при этомъ входить въ разсмотрѣніе мелкихъ фактовъ и, быть можетъ, утомительныхъ подробностей, но, позволяю себѣ думать, читатель извинитъ меня, если эти факты и подробности будутъ способствовать уясненію нѣкоторыхъ вопросовъ труднаго и мало разъясненнаго отдѣла византійскихъ древностей, то-есть, византійскаго костюмовѣдѣнія.

Чтобы опредѣлить, въ какую одежду облаченъ всадникъ-императоръ на керченскомъ щитѣ, проф. Стржиговскій указываетъ сначала (стр. 17) нѣкоторые памятники, на которыхъ, по его мнѣнію, императоры изображены въ подобномъ облаченіи. Изъ числа ихъ онъ причисляетъ двѣ равенскія мозаики, серебряный щитъ Θεодосія, золотой медальонъ Валента и Валентиніана и миниатюру въ Парижской рукописи Григорія Назіанзіана, изображающую битву у Мильвійскаго моста ¹⁾. Изъ нихъ, по моему мнѣнію, сопоставлять съ керченскимъ щитомъ можно только послѣднюю, такъ какъ только эта миниатюра представляетъ императора, подобно керченскому щиту, въ военномъ облаченіи, въ военномъ верховомъ костюмѣ, между тѣмъ какъ равенскія мозаики и щитъ Θεодосія изображаютъ императоровъ во время торжественныхъ выходовъ и пріемовъ, когда, какъ мы увидимъ, надѣвались не тѣ предметы облаченія, которые надѣвались для верховой ѣзды, и во всякомъ случаѣ не военный костюмъ, въ которомъ изображенъ св. Константинъ и неизвѣстный императоръ керченскаго щита или блюда. Хотя въ этихъ случаяхъ употреблялись различныя облаченія, но несомнѣнно, что туники, надѣтыя на императорахъ подъ хламидою на равенскихъ мозаикахъ и на щитѣ Θεодосія, имѣютъ нѣкоторое сходство съ туниками миниатюры и керченскаго щита, то-есть, онѣ украшены вышивками и бордюрами, имѣютъ узкіе рукава съ поручами и подпоясаны роскошнымъ поясомъ.

Но этого сходства недостаточно еще для того, чтобы признать въ нихъ одежды тождественныя, носившія одно названіе. Какъ у насъ разнаго рода сюртуки и кафтаны называются разными именами и на-

¹⁾ Эта миниатюра была воспроизведена уже *Vanduri, Imper. Orientale, Commentar.*, p. 480, ed. Venet., и въ Византійскомъ альбомѣ гр. А. С. Уварова, Москва, 1890, табл. XXI. О рукописи и другихъ многочисленныхъ миниатюрахъ ея см. *Н. П. Кондакова*, *Исторія Византійскаго искусства*, стр. 1868 слѣд. Рукопись написана и разрисована для Васлія I Македонянина между 880 и 885 гг.

значаются у богатыхъ людей для разныхъ случаевъ выходовъ и приемовъ, такъ и у римско-восточныхъ императоровъ сходные предметы облаченія, но, однакожъ, не тождественные и отличавшіеся немного по крою или матерію, назначались для разныхъ цѣлей, употреблялись въ разныхъ случаяхъ и назывались разными именами.

Проф. Стржиговскій, упуская изъ виду эти отличія въ облаченіи, находитъ возможнымъ выходной и выѣздной костюмъ императора считать за тождественный и старается подыскать для него подходящее названіе изъ византійской эпохи. Для достиженія этой цѣли почтенный профессоръ не безъ основанія обращается къ обильному источнику всевозможныхъ бытовыхъ названій и терминовъ, Придворному уставу Константина Багрянороднаго, тѣмъ болѣе, что въ своихъ замѣткахъ онъ не нашелъ художественнаго намятника, на которомъ императоръ былъ бы изображенъ въ разукрашенномъ кафтанѣ, но безъ хламиды (стр. 18). У Константина Багрянороднаго онъ, напротивъ, нашелъ, что Анастасій, избранный въ 491 году императоромъ, по принесеніи присяги, отправился въ триклиній Ипподрома и здѣсь ἐφόρεσεν στυχάριον διβητήσιον αὐρόκλαβον καὶ ζωνάριον καὶ τοῦβια καὶ χαμπάγια βασιλικά¹⁾. Въ такомъ видѣ онъ вошелъ на каенсму Ипподрома, гдѣ онъ поднять былъ на щитѣ, при чемъ χαμπιδούκτωρ τῶν λαγαριῶν возложилъ ему на голову собственное ожерелье (τὸ ἴδιον μανιάκιον). Затѣмъ, лишь по возвращеніи его въ триклиній, епископъ облекъ его въ императорскую хламиду. „Не можетъ быть никакого сомнѣнія,—говоритъ профессоръ Стржиговскій,—въ томъ, что διβητήσιον, который при этомъ былъ на Анастасіи, та кафтанообразная одежда, въ какой Юстиніанъ изображенъ на нашемъ щитѣ. Этому вполне соотвѣтствуютъ добавленія στυχάριον (плотно прилежавшее къ тѣлу) и болѣе всего αὐρόκλαβον, которому изготовитель нашего сосуда придалъ особенное значеніе тѣмъ, что орнаменты по краю въ самомъ дѣлѣ позолотилъ. Да и остальная одежда на Анастасіѣ была такая же, какъ на Юстиніанѣ нашего щита, какъ-то ζωνάριον поясъ, τοῦβια штаны и χαμπάγια βασιλικά, то-есть, пурпуровые съ драгоцѣнными камнями башмаки. Кромѣ того, на головѣ μανιάκις“. Затѣмъ г. Стржиговскій говоритъ, что, кромѣ царя, въ дивитисіѣ являются для промоціи, то-есть, для производства въ чинъ, кесарь и нобилиссимы, а куроналата получаетъ дивитисіѣ при самомъ чинопроизводствѣ. Слѣдующіе затѣмъ чиновники и сановники уже не имѣютъ дивитисіа. Послѣ этой замѣтки

¹⁾ Constant. de cerim., ed. Bonn., p. 423—245 C. 6 перваго изданія Reiske.

г. Стржиговскій опять обращается къ употребленію дивитисія царемъ. „Императоръ, во время своего царствованія,—пишетъ проф. Стржиговскій,—носитъ дивитисій довольно часто и въ другихъ случаяхъ безъ хламиды. Кажется, что дивитисій былъ собственно домашнею одеждою. По крайней мѣрѣ, императоръ является только въ этомъ кафтанѣ (Роск). когда онъ, на примѣръ, при большой процессіи въ св. Софію возвращается въ китонъ Дафны или когда онъ послѣ празднованія своего дня рожденія выходитъ на пиршество. Но иногда императоръ носитъ *διδυτήσιον* безъ хламиды и при триумфальныхъ шествіяхъ. Въ Вознесеніе онъ въ скарамантиѣ отправляется къ Золотымъ воротамъ, препоясываетъ тамъ свой мечъ, надѣваетъ на себя ожерелье и въ такомъ видѣ, во всякомъ случаѣ верхомъ, отправляется въ церковь Богородицы Источника, въ которую онъ входитъ въ бѣломъ дивитисіѣ. Императоръ Никифоръ Фока при своемъ вѣздѣ ѣхалъ верхомъ отъ Золотыхъ воротъ до храма Богоматери на Форѣ, облачился тамъ въ *διδυτήσιον καὶ χαρκάγια καὶ χαρκότοβα*, то-есть, въ тотъ костюмъ, который изображенъ на нашемъ щитѣ, и затѣмъ въ торжественной процессіи пошелъ далѣе въ храмъ св. Софіи. Я думаю,—говоритъ въ заключеніе нашъ византологъ,—что этихъ мѣстъ достаточно для того, чтобы доказать, что костюмъ, который Юстиніанъ носитъ на керченскомъ щитѣ, нѣсколько необыченъ только по тому, что рѣдко встрѣчается на памятникахъ. Въ виду этого керченскій щитъ является тѣмъ болѣе драгоценнымъ“ (стр. 20).

Проф. Стржиговскій считаетъ такимъ образомъ вполне доказаннымъ и несомнѣннымъ, что туника или хитонъ, надѣтый на императора на керченскомъ блюдѣ, представляетъ собою тотъ именно предметъ царскаго облаченія, который называется *διδυτήσιον*, и что этотъ дивитисій былъ домашнею одеждою византійскаго царя (*Hauskleid*), которую онъ носилъ безъ хламиды. Можно было бы позавидовать такому скорому и положительному рѣшенію вопроса о дивитисіѣ, надъ которымъ напрасно ломали головы такіе первоклассные ученые, какъ Reiske, еслибы это рѣшеніе было дѣйствительно такъ несомнѣнно и убѣдительно, какъ оно кажется почтенному византологу, и еслибы приведенныя изъ придворнаго устава мѣста хоть скольконибудь говорили въ пользу принятія туники керченскаго щита за дивитисій. Къ сожалѣнію, читатель, даже вовсе незнакомый съ Придворнымъ уставомъ, на основаніи однихъ только приведенныхъ у г. Стржиговскаго мѣстъ можетъ усомниться въ несомнѣнности его рѣшенія. Приведенныя мѣста даютъ понять, что дивитисій надѣ-

вался царемъ для коронаціи и торжественныхъ выходовъ, а цезаремъ и нобилиссимомъ для промоціи, то-есть, для производства въ эти чины; а между тѣмъ г. Стржиговскій считаетъ возможнымъ признать дивитисій за *домашнее* платье. Домашнимъ платьемъ у насъ называются тѣ одежды, которыя мы обыкновенно носимъ дома, одежды обыденныя, будничныя. и потому а priori трудно допустить, чтобы домашняя одежда надѣвалась для коронаціи царя и промоціи кесаря и нобилиссима, какъ отличительная одежда ихъ высокаго сана, и въ то же время какъ самая торжественная, самая парадная одежда. Даже и тѣ, которые не знаютъ, что у византійцевъ домашнія одежды строго отличались отъ служебныхъ и парадныхъ (*ἀλλὰξιμα, ἀλλὰγματα*), скорѣе могутъ заключить совершенно обратно: если извѣстная одежда употребляется для самыхъ торжественныхъ случаевъ, служить отличительнымъ облаченіемъ царя и высшихъ сановниковъ, то, значитъ, это—не простая, домашняя, обыденная одежда, а самая парадная, торжественная.

Затѣмъ, внимательный читатель не можетъ не обратить вниманія на то обстоятельство, что *дивитисій*, по словамъ г. Стржиговскаго, составлялъ предметъ облаченія только царя, да трехъ самыхъ высшихъ сановниковъ, а между тѣмъ на керченскомъ щитѣ тѣлохранитель одѣтъ въ совершенно такую же тунику, какъ императоръ. Даже характеръ украшеній на обѣихъ туникахъ одинаковый; царская туника расшита только болѣе и великолѣпнѣе. Этого тождества туникъ не могъ не замѣтить и самъ почтенный изслѣдователь, и потому на стр. 22 онъ уже напелъ себя вынужденнымъ говорить, что *дивитисій* составлялъ принадлежность не только вышеназванныхъ трехъ сановниковъ, но и важнѣйшихъ военныхъ чиновъ и гвардіи. Какихъ нибудь доказательствъ въ пользу того, что военные чины и гвардіи имѣли *дивитисій*, г. Стржиговскій не приводитъ, потому что не нашелъ ихъ и не могъ найти. А эта бездоказательность и противорѣчіе съ прежнимъ заявленіемъ, основаннымъ на придворномъ уставѣ, невольно возбуждаютъ сомнѣніе: если на царѣ и тѣлохранителѣ одинаковыя туники, то можно ли ихъ считать за *дивитисіи*, составлявшія отличительную одежду царя и высшихъ чиновъ?

У читателя, болѣе или менѣе знакомаго съ Придворнымъ уставомъ Константина Багрянороднаго, несомнѣнныя доказательства проф. Стржиговскаго возбуждаютъ еще болѣе сомнѣній. Прежде всего представляется страннымъ то обстоятельство, что взяты весьма немногія вышеприведенныя мѣста, между тѣмъ какъ случается употребленія

дивитисія въ обрядахъ Придворнаго устава огромная масса. Для правильнаго и научнаго рѣшенія вопроса о дивитисіѣ необходимо было принять во вниманіе всѣ случаи или, по крайней мѣрѣ, важнѣйшія категоріи ихъ. Сомнѣніе въ правильности рѣшенія вопроса увеличивается еще болѣе отъ того, что нѣкоторые изъ приведенныхъ г. Стржиговскимъ мѣстъ поняты имъ и объяснены въ свою пользу невѣрно, а частію даже совершенно превратно.

Затѣмъ представляется совершенно непонятнымъ, почему г. Стржиговскій, взявшій для доказательства какія-то случайныя мѣста, не имѣющія отношенія къ вѣздамъ императоровъ въ городъ послѣ побѣдоносной войны, не обратилъ вниманія на такіе обряды, въ которыхъ описываются именно подобныя вѣзды и въ которыхъ говорится о специальныхъ облаченіяхъ царей въ подобныхъ случаяхъ.

Наконецъ, для всякаго, болѣе или менѣе знакомаго съ характеромъ одеждъ римско-византійской эпохи и многочисленными названіями этихъ одеждъ, находящимися въ обрядахъ Константина Багрянороднаго, тѣ свойства, по которымъ проф. Стржиговскій въ туникѣ керченскаго блюда призналъ именно дивитисій, не могутъ быть убѣдительными, такъ какъ не одинъ дивитисій называется и былъ съ золотыми клавями (αὐρόκλαβον). И другія парадныя одежды царей и высшихъ чиновъ обшивались золотыми каймами и украшались золотыми нашивками и вышивками и потому называются и характеризуются такими же или подобными эпитетами, какъ и дивитисій. Таковы, на примѣръ, скарамангін, иматін, плащи и хламиды, которые всѣ называются часто золотомъ обшитыми или расшитыми и, слѣдовательно, могутъ, какъ дивитисій, по этимъ свойствамъ, приравнены къ туникѣ керченскаго блюда ¹⁾.

Почему проф. Стржиговскій изъ многихъ одеждъ, обшитыхъ и расшитыхъ золотомъ, остановился именно на дивитисіѣ, мнѣ неиз-

¹⁾ Такъ, αὐρίον плащъ царскій весьма часто называется „обшитымъ золотомъ“ χρυσοπερὶχλαστον (напримѣръ, II, 19, 608; II, 33, 632; II, 12, 552; II, 13, 557; I, 1, 7 и 21), „золотымъ“ χρυσοῦν (I, 9, 70; I, 10, 72; I, 41, 213); а иногда употреблялись плащи, обшитые и украшенные не только золотомъ, но и жемчугомъ, слѣдовательно, еще болѣе подходящія къ той туникѣ, которая изображена на императорѣ керченскаго щита. Михаилъ III, на примѣръ, принималъ отпавшихъ, но опять подчинившихся славянъ въ αὐρίον πορφύρεον, ἔχων περὶχλαστον χρυσοῦν, ἀπὸ μαργαρίτων ἡμφισπένην, II, 37, 635.

Скарамангін называются златотканными, вышитыми золотомъ и т. п. (напримѣръ, I, 1, 31 σκαραμάγγια χρυσοκέντητα, I, 17, 99, σκαραμάγγιον διασπρον χρυσοκλα-

вѣстно. Но такъ какъ большинство его цитатъ изъ обрядовъ Константина Багрянороднаго несомнѣнно заимствовано изъ комментарія Рейске, то можно думать, что нашъ изслѣдователь, какъ и многіе другіе ученые, обратившись къ помощи Index'a къ комментарий Reiske, нашелъ тамъ подъ διηγήσιον, vestis curta, ссылку на два мѣста комментарія; изъ нихъ въ одномъ приведены тѣ цитаты, которыми мы находимъ въ изслѣдованіи г. Стржиговскаго, и частію указаны нѣкоторыя отличительныя черты дивитисіа, какъ ихъ понималъ Reiske. Самъ г. Стржиговскій не только для этого изслѣдованія, но и вообще, повидимому, не штудировалъ Придворнаго устава и потому не только принужденъ довольствоваться чужими цитатами, но и эти цитаты, то-есть, указанные другими мѣста изъ обрядовъ, не могъ понять и передать безъ крупныхъ промаховъ относительно смысла.

На одной изъ указанныхъ въ Index'ѣ страницъ Commentarii, а именно на 424 Боннскаго изданія, мы находимъ разсужденіе Reiske о дивитисіѣ и указанія на большую часть мѣстъ, приведенныхъ г. Стржиговскимъ. Первая изъ этихъ цитатъ и приводитъ насъ къ обряду коронаціи Анастасія (pag. 245 С 6 перваго изданія=423 Вопп.), изъ котораго почтенный профессоръ выписалъ столь убѣдительное для него мѣсто о костюмѣ царя. Въ обрядѣ говорится, что отъ Анастасія, избраннаго Ариадною, синклить, то-есть, всѣ высшіе чины, потребовали клятвенное обѣщаніе (ἀπότησον αὐτὸν ὄρκον δεῦναί τε αἰσίν) никому не мстить изъ своихъ прежнихъ недруговъ и управлять по справедливости. Это было не принесеніе обычной присяги, а специальная клятва, вызванная прежнимъ положеніемъ вновь избраннаго императора. Послѣ этого Анастасія повели въ каизму Ипподрома

βον αὐρόκλαβον, ср. I, 18, 109 и I, 80, 167, σκαρὰμάγνια χρυσᾷ I, 87, 189, πορφύρα χρυσᾷ σκαρὰμάγνια, I, 87, 190 и 191. Имитіи, какъ мы увидимъ ниже, характеризуются подобными же эпитетами.

Хламиды, кромѣ настояннаго эпитета χρυσόταβλος, характеризуются словами χρυσοφεγγής (I, 10, 72), χρυσοφαντος (I, 17, 105). А такъ какъ хламиды обшивались золотыми полосами, то и онѣ могутъ быть названы χρυσοπερίκλαιστοι и αὐρόκλαβοι=χρυσόκλαβοι. Коловій (κολόβιον) называется χρυσοῤηνοζέντηρον, διὰ λίθων και μαργάρων ἡμφισπόμενον (I, 10, 80).

Эти эпитеты, какъ извѣстно, вполне подтверждаются памятниками византийскаго искусства; золото, золотые бордюры, нашивки, вышивки, золотое тьанье составляютъ настоянное украшеніе и существенный признакъ византийскихъ нарядныхъ одеждъ и облаченій, какъ и нашихъ церковныхъ, а потому эпитетъ αὐρόκλαβος никакъ не можетъ служить такимъ признакомъ, по которому одна византийская одежда можетъ быть отличена отъ другой.

для коронованія и въ той палатѣ этой каѳизмы ¹⁾, гдѣ предъ скачками и послѣ нихъ царь обыкновенно принималъ синклитъ, облачили его „въ стихарь-дивитисій, обшитый и расшитый золотомъ, подпоясали поясомъ и надѣли царскіе кампаги и туви“.

Въ этомъ царскомъ нарядѣ Анастасій вошелъ на каѳизму собственно, то-есть, то номѣщеніе, сидя въ которомъ на особомъ креслѣ, или тронѣ, цари смотрѣли игры и привѣтствовали народъ, собравшійся въ Ипподромѣ. Здѣсь Анастасія тѣлохранители подняли на щитѣ и показали народу и войскамъ, при чемъ кампидукторъ коньеносцевъ возложилъ на голову, вмѣсто вѣнца, собственную шейную цѣпь или гривну (τὸ γαρίαιον), такъ какъ настоящій царскій вѣнецъ или діадима должны были возлагаться вмѣстѣ съ хламидою послѣ поднятія на щитѣ, во время обряда коронаціи собственно. Этотъ обрядъ, въ то время состоявшій въ томъ, что патріархъ, прочитавъ молитву, возлагалъ на коронуемаго вѣнецъ и хламиду, и былъ исполненъ по возвращеніи Анастасія въ ту палату, въ которой онъ былъ раньше облаченъ въ вышеназванные предметы царскаго облаченія. Послѣ этого Анастасій въ полномъ парадномъ облаченіи, въ хламидѣ и вѣницѣ, какъ коронованный царь, опять вошелъ на каѳизму и показался народу, который уже привѣтствовалъ его, какъ императора (называя его: *auguste, sebasté*). Первое появленіе, предъ коронаціею, было такимъ образомъ, такъ сказать, пробнымъ, дѣлалось для того, чтобы получить согласіе народа и войска на избраніе Анастасія въ императоры, и потому онъ въ первый разъ являлся не въ полномъ облаченіи, безъ короны и хламиды. Такъ какъ это появленіе представляло собою исключительный случай, то изъ него никакъ нельзя заключать, что императоръ являлся народу и могъ совершить *въездъ* въ одномъ дивитисіѣ безъ хламиды. а, слѣдовательно, нельзя и заключать, что дивитисій носился обыкновенно безъ хламиды и долженъ быть сопоставленъ съ тою туникою, въ которой императоръ совершаетъ *въездъ* на керченскомъ блюдѣ. Изъ вышеназложеннаго обряда можно только заключить, что дивитисій—парадная царская одежда, надѣвавшаяся, между прочимъ, для коронаціи безъ особой молитвы патріарха, который во время обряда возлагалъ на царя, послѣ соотвѣтствующихъ молитвъ, сверхъ надѣтаго уже дивитисія, царскую хламиду, а на голову вѣнецъ.

¹⁾ 0 каѳизмѣ Ипподрома см. *Лабарта (Labart)*: Palais Imper. de Constantinople, p. 46 сл.; ср. I книгу моихъ *Byzantina*, по указателю в. в. Ипподромъ.

Изъ того, что дивитисіи называется стихаромъ (στυχάριον διβητήσιον), г. Стржиговскій также дѣлаетъ выводъ въ пользу тожества дивитисія съ туникою керченскаго блюда на томъ основаніи, что стихарь будто бы означаетъ одежду, плотно прилегавшую къ тѣлу, а такова именно, по мнѣнію г. Стржиговскаго, туника на императорѣ керченскаго памятника. Но, вопервыхъ, туника на императорѣ вовсе не узкая, а напротивъ очень широкая, а, воторыхъ, „стихарь“ не заключаетъ въ себѣ понятія узкости, а означаетъ или, лучше сказать, первоначально означалъ одежду съ полосами, клавями (clavi=στίχοι), подобными тѣмъ, которыя мы видимъ на стихаряхъ или далматикахъ патриарха и діаконовъ на равеннской мозаикѣ (см. таблицу III атласа, приложеннаго къ вышеназваннымъ изслѣдованіямъ профессора Стржиговскаго и Покровскаго). Профессоръ Стржиговскій такое заключеніе сдѣлалъ на основаніи словъ Рейске: quae (vestis, то-есть, διβητήσιον) stricte corpori adhaeret, тамъ, pag. 245 С. 6 στυχάριον διβητήσιον appellatur, хотя г. Стржиговскій и не указываетъ на это заимствованіе. Но въ этомъ случаѣ Reiske совершенно неправъ, и его слова не заслуживаютъ того, чтобы ихъ повторять. Reiske введень былъ, очевидно, въ заблужденіе позднѣйшею латинскою передачею греческаго στυχάριον посредствомъ strictorium (Comment., p. 228 и 477; ср. *Дюканже*, Glossar. Gr. s. v. στυχάριον) и принялъ стихарь за vestis stricta, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ стихарями въ болѣе древнее время назывались широкія и длинныя туники, болѣе или менѣе близкія по своему покрою къ нашимъ діаконымъ стихарямъ, вышедшимъ, по всей вѣроятности, изъ римскихъ далматикъ. Хотя впоследствии, какъ мы увидимъ, царскіе стихари-дивитисіи дѣлались дѣйствительно довольно узкими въ подолѣ, но были все-таки не настолько узкими, чтобы ихъ можно было назвать плотно обхватывающими тѣло. Во всякомъ случаѣ слово „стихарь“ ни мало не говоритъ въ пользу узкости одежды. Напротивъ, можно указать много изображеній туникъ-стихарей очень широкихъ и просторныхъ.¹⁾

На той же 424 стр. комментарія Reiske г. Стржиговскій нашелъ ссылку на стр. 13 перваго изданія=21 стр. Боннскаго изданія Придворнаго устава, гдѣ говорится о томъ, что цари, на возвратномъ пути изъ св. Софіи въ Хрисотриклинь, послѣ торжественнаго выхода и литургіи въ одинъ изъ большихъ Господнихъ праздниковъ, дойдя

¹⁾ О стихарѣ и покроѣ см. довольно обстоятельное разсужденіе въ Realencykl. der christl. Alterthümer *Kraus*'а, I, 191 слѣд.; ср. *ibid.*, 207 слѣд., сдѣланы рисунки древнихъ стихарей-далматикъ.

до дворца Дафны и войдя въ октагонъ, снимали здѣсь корону и хламиду и въ дивитисіѣ входили на короткое время для отдыха въ китонъ Дафны, а послѣ отдыха, надѣвши шалку и плащъ, шли въ сопровожденіи чиновъ кувуклія въ Хрисотриклинь ¹⁾). Такъ какъ выходы царей въ большіе праздники и возвращеніе ихъ, а въ томъ числѣ и тотъ моментъ, который приводитъ г. Стржиговскій, подробно изложены въ II книгѣ моихъ *Byzantina* ²⁾, то я считаю излишнимъ много толковать о немъ. Достаточно будетъ замѣтить, что переходъ изъ октагона въ смежный китонъ Дафны въ дивитисіѣ безъ хламиды и краткое пребываніе въ китонѣ для отдыха въ одномъ дивитисіѣ ни мало не доказываетъ ни того, что цари часто носили дивитисіѣ безъ хламиды, ни того, что дивитисіѣ былъ домашнимъ платьемъ царя. Еслибы почтенный византологъ имѣлъ хоть какое нибудь понятіе о царскихъ выходахъ и облаченіяхъ для нихъ, то онъ зналъ бы, что дивитисіѣ надѣвался царемъ специально для торжественнаго выхода, и царь въ немъ одномъ оставался только въ китонѣ и въ мутаторіи св. Софіи, а какъ только выходилъ изъ нихъ, надѣвалъ хламиду. Точно также ничего не говоритъ въ пользу мнѣнія г. Стржиговскаго и выходъ царя въ дивитисіѣ безъ хламиды къ парадному обѣду въ день рожденія. И въ этомъ случаѣ царь былъ не въ домашнемъ платьѣ, даже не въ полупарадномъ скарамангіѣ, а въ парадномъ дивитисіѣ, но безъ хламиды по той простой причинѣ, что обѣдать въ хламидѣ, закрывавшей одну руку, было неудобно. Потому не только царь, но и высшіе чины, приходившіе къ обѣду въ хламидѣхъ и плащахъ, какъ только сажались за столъ, снимали хламиды, какъ это видно изъ многочисленныхъ замѣчаній объ этомъ и, между прочимъ, изъ дальнѣйшаго текста цитованнаго г. Стржиговскимъ обряда для рожденія царя (I, b. 1, 277). „Когда всѣ сядутъ,—сказано здѣсь,—царь чрезъ стольника объявляетъ патрикіямъ: „снимите ваши хламиды“. Патрикіи и стратиги, вставши, возглашаютъ царю многолѣтіе и снимаютъ патрикіи свои хламиды, а стратиги свои плащи“.

Если такимъ образомъ и это мѣсто приведено г. Стржиговскимъ по недоразумѣнію, то слѣдующее за этимъ мѣсто (I, 37, 188), которое будто бы доказываетъ, что цари носили дивитисіѣ безъ хламиды и въ торжественныхъ процессіяхъ (*bei Triumphzügen*), доказываетъ только, что г. Стржиговскій вовсе не понимаетъ и даже не

¹⁾ О дворцѣ Дафны и его частяхъ: октагонѣ и китонѣ (покоѣ) см. мои *Byzantina*, кн. I, стр. 96 слѣд.

²⁾ См. стр. 195 слѣд.

постарался понять того текста, который онъ приводитъ въ доказательство своихъ положеній. Это мѣсто взято изъ 37 гл. I кн. „Придворнаго устава“, въ которой говорится объ облаченіихъ царей во дни богомольныхъ выходовъ въ храмы, то-есть, въ большіе праздники. Дивитисіѣ сдѣсь упоминается съ хламидою и лоромъ постоянно, и одна эта глава представляетъ довольно большое собраніе случаевъ употребленія дивитисіа, какъ параднаго облаченія, но для того, чтобы воспользоваться этимъ матеріаломъ, необходимо знать подробности тѣхъ выходовъ, которые въ этомъ перечнѣ праздничныхъ облаченій упоминаются. Профессоръ Стржиговскій нашелъ возможнымъ обойтись безъ такого знакомства съ выходами и впалъ въ грубую ошибку. Приведенное имъ мѣсто относится къ выѣзду въ храмъ пресвятой Богородицы Источника, находившіяся за городомъ, на западъ отъ Константинополя, и въ греческомъ текстѣ гласитъ такъ: ἰστέον, ὅτι τῇ ἑορτῇ τῆς Ἀναλήψεως ἀπὸ μὲν τοῦ Παλατίου ἐξέρχονται οἱ δεσπότες μετὰ τριβλατίων σκαραμαγγίων, καὶ εἰσέρχονται εἰς τὸν δρόμωνα καὶ ἀπέρχονται μέχρι τῆς Χρυσῆς Πόρτης, ἐκεῖσε δὲ βάλλοντες τὰ αὐτῶν χρυσᾶ διάλιθα σκαθία καὶ χαβαλιχεύοντες τὰ χιῶματα, ἀπέρχονται ἐν τῇ ἐκκλησίᾳ τῆς ὑπεραγίας Θεοτόκου τῆς Πηγῆς, καθεῖσε ἀλλάσσουσι τὰ ἐσούτων λευκὰ διβητήσια, καὶ εἰσοδεύουσι. Профессоръ Стржиговскій передаетъ это мѣсто такъ ¹⁾: Am Tage Christi Himmelfahrt begibt er sich mit dem Skaramangion bekleidet zum goldenen Thore, gürtet dort sein Schwert um, *legt ein Halsband an* und begiebt sich so, reitend jedenfalls, nach der Kirche der Theotokos τῆς πηγῆς, die er im weissen Dibition betritt. Не только изъ текста, но даже изъ вольной, можно сказать, чрезъчуръ вольной передачи г. Стржиговскаго не видно, чтобы царь въ одномъ дивитисіѣ совершалъ триумфальное шествіе. Только въ церковь, по словамъ почтеннаго профессора, царь вступалъ въ бѣломъ дивитисіѣ, но гдѣ онъ его надѣлъ до вступленія въ церковь, г. Стржиговскій благоразумно умалчиваетъ, такъ что можно все-таки подумать, что дивитисіѣ былъ надѣтъ раньше, и что царь дѣйствительно былъ нѣкоторое время въ дивитисіѣ до входа въ церковь, въ доказательство чего и приведено это мѣсто. Къ сожалѣнію, справка съ текстомъ показываетъ, что такое заключеніе не вѣрно, такъ какъ тамъ прямо сказано, что дивитисіѣ надѣвается въ храмѣ Богородицы Источника и что, слѣдовательно, никакого триумфальнаго выѣзда на лошади верхомъ царь въ одномъ дивитисіѣ не совершалъ.

¹⁾ Кромѣ вышеприведеннаго русскаго перевода, привожу нѣмецкій подлинникъ, чтобы говорить собственными словами г. Стржиговскаго.

Но это была бы еще не большая бѣда, еслибы для читателя, знакомаго съ придворнымъ уставомъ, толкованіе и заключеніе г. Стржиговскаго не обличали полнаго незнакомства его съ обрядами богомольныхъ выходовъ византійскихъ царей. Г. Стржиговскій, очевидно, не имѣетъ понятія о томъ, какъ совершался входъ въ храмъ царемъ, и не подозрѣваетъ, что εἰσοδεῖν не значить вступать въ первый разъ въ церковь, а значить совершать малый входъ вмѣстѣ съ патриархомъ (ἢ εἰσοδος μικρά); почтенный византологъ, повидимому, не догадывается, что въ 37 главѣ даны только главнѣйшіе моменты выхода въ Вознесеніе, и не подозрѣваетъ, повидимому, что въ томъ же придворномъ уставѣ обрядъ выхода въ Вознесеніе изложенъ подробно и что тамъ можно было бы найти ему разъясненіе того, что было для него непонятно въ текстѣ 37 гл. Еслибы г. Стржиговскій зналъ, что богомольный выѣздъ въ Вознесеніе изложенъ въ 18 гл. I кн., стр. 108—114, то онъ, вѣроятно, заглянулъ бы въ эту главу и нашелъ бы, что царь совершаетъ входъ въ храмъ *собственно* (εἰσοδεῖν) не въ одномъ дивитисѣ, а и въ хламидѣ, а въ храмъ вообще входитъ безъ того и другой, и что никакого ожерелья (Halsband) царь не надѣвалъ ни въ дорогѣ, послѣ препоясанія мечемъ, ни въ другомъ мѣстѣ.

Быть можетъ, тогда г. Стржиговскій обратилъ бы вниманіе на значеніе словъ χαβαλλοχάουτος τὰ χιῶματα, не довольствуясь не совсемъ понятнымъ латинскимъ переводомъ, и не сдѣлалъ бы тѣхъ крупныхъ промаховъ, которые находятся въ этомъ отдѣлѣ его изслѣдованія.

Чтобы не быть голословнымъ и уяснить читателю, въ чемъ тутъ дѣло, я считаю необходимымъ вкратцѣ изложить обрядъ богомольнаго выхода въ Вознесеніе, тѣмъ болѣе, что, если специалистъ, ученый византологъ-археологъ, не имѣетъ понятія о выходахъ и разныхъ переоблаченіяхъ во время ихъ, то предполагать такое незнакомство съ обрядами выходовъ въ обыкновенномъ читателѣ и недавно позволительно. А безъ знакомства съ этими выходами трудно будетъ понять, въ чемъ и почему почтенный профессоръ впалъ въ ошибки, которыя ни въ какомъ случаѣ не могутъ ему увеличить ученой славы, хотя и могутъ быть извинены и объяснены трудностію придворнаго устава и нежеланіемъ ученыхъ рыться въ этой трудно перевариваемой массѣ обрядовъ, вслѣдствіе чего даже византологи предпочитаютъ иногда ограничиваться тѣми данными, на которыя наводитъ Index къ комментарию *Reiske* (см. Предисловіе къ II кн. монахъ *Byzantina*, стр. IX: о трудности и неудобоваримости Придворнаго устава см *ibid.*, стр. XLII слѣд.).

Въ Вознесеніе всѣ чины собирались раннимъ утромъ во дворецъ съ *скармангія*, и если царю угодно было по обыкновенію ѣхать сначала въ лодкѣ, то онъ садился въ лодку съ приближенными сановниками и доѣзжалъ до пристани около Золотыхъ воротъ. Здѣсь царь выходилъ изъ лодки и надѣвалъ корону, окруженный чинами кувуклія. Затѣмъ онъ садился на лошадь и ѣхалъ, будучи одѣтъ въ *скармангій* съ золотою обшивкою (ἀπὸ σκαρμανγίου χρυσοκλάβου = αἰκροκλάβου¹). Въ такомъ облаченіи царь доѣзжаетъ до лутира, то-есть, до двора храма пресвятыя Богородицы Источника; у двери двора онъ сходитъ съ лошади, входитъ въ лутирь, а отсюда поднимается по витой лѣстницѣ во второй этажъ храма, проходитъ черезъ узкую палату, въ которой обыкновенно завтракаетъ съ патріархомъ послѣ обѣдни. затѣмъ идетъ черезъ мутаторій и входитъ въ смежный съ нимъ китонъ (покой), гдѣ препозитъ снимаетъ съ царя корону. *Здѣсь* царь дожидается прибытія патріарха съ крестнымъ ходомъ и въ ожиданіи его переоблачается: *снимаетъ скармангій и облачается въ парадный бѣлый дивитисій*. Когда царю доложить, что патріархъ съ крестнымъ ходомъ приближается, на царя *накидываютъ* веститоры *хламиду*, и царь выходитъ тѣмъ же путемъ, какимъ вошелъ въ храмъ, на встрѣчу крестному ходу въ сопровожденіи чиновъ. Встрѣтивъ крестный ходъ и патріарха, приложившись ко кресту и евангелію и поцѣловавшись съ патріархомъ, царь возвращается впередъ патріарха въ храмъ и дожидается патріарха, сяди въ наронкѣ храма. Съ прибытіемъ патріарха съ крестнымъ ходомъ въ наронкѣ, царь вставалъ, опять цѣловался съ патріархомъ и становился рядомъ съ нимъ на порогѣ царскихъ вратъ, то-есть, среднихъ дверей изъ наронка *въ храмъ собственно*. Патріархъ читалъ молитву малаго входа божественной литургіи, послѣ чего царь, приложившись снова ко кресту и евангелію, бралъ патріарха за руку и шелъ съ правой стороны отъ него черезъ храмъ къ солеѣ, то-есть, совершалъ малый входъ.

¹) Въ какой одеждѣ царь садился въ лодку и ѣхалъ въ ней, въ обрядѣ (то-есть, I кн. 18 гл.) не сказано, но несомнѣнно, что онъ ѣхалъ тоже въ *скармангій*, такъ какъ подобныя поѣздки въ лодкѣ совершались обыкновенно въ *скармангій* (см., напримѣръ, поѣздку въ лодкѣ во Влахерны для омовенія II, 12, 551; ср. II, 13, 557 слѣд.). Кроме того, въ вышеприведенной выпискѣ изъ I, 37, 188, прямо сказано, что въ Вознесеніе царь выходитъ изъ дворца въ *скармангій*, въ которомъ онъ ѣдетъ, по обыкновенію, и верхомъ на лошади, какъ прямо замѣчено въ обрядѣ. Такъ какъ про облаченіе во время пути до пріѣзда въ церковь не говорится, то для всякаго, даже незнакомаго съ употребленіемъ *скармангій*, ясно, что царь и въ лодкѣ былъ въ *скармангій*.

Помолившись предъ св. вратами, то-есть, средними дверьми алтарной преграды (=нашего иконостаса), сначала патриархъ, а потомъ царь входилъ въ алтарь, прикладывался къ святому престолу и клалъ на него апокомвій, послѣ чего царь выходилъ изъ алтаря и уходилъ по вышеупомянутой витой лѣстницѣ въ катихуменіи, гдѣ и слушалъ литургію въ обычномъ своемъ мѣстѣ, то-есть, въ одномъ изъ отдѣленій мутаторія. Когда наступало время приобщенія Св. Таинъ, патриархъ съ Св. Дарами поднимался въ катихуменіи, приобщалъ царя и высшихъ чиновъ и уходилъ оканчивать литургію, а царь въ выше-названный покой (χοῦρον), примыкавшій къ катихуменіямъ.

По окончаніи литургіи патриархъ опять проходилъ на верхъ и завтракалъ вмѣстѣ съ царемъ и высшими чинами въ узкой палатѣ, примыкавшей къ катихуменіямъ. Вотъ въ краткомъ изложеніи обрядъ выѣзда въ Вознесеніе въ храмъ пресвятой Богородицы Источника. Въ изложеніи всѣхъ подробностей этого обряда для нашихъ цѣлей нѣтъ надобности. Намъ важно только знать, *когда царь надѣвалъ дивитисій* и въ чемъ онъ ѣхалъ въ храмъ. Изъ обряда видно, что царь *ѣхалъ до храма въ скарамангій, а не дивитисій*, въ которомъ, какъ мы увидимъ, царь верхомъ никогда не ѣздилъ, дивитисій же онъ надѣвалъ уже въ китонѣ, прилежавшемъ къ катихуменіямъ храма. Не менѣе ясно также, что въ первый разъ въ храмъ вошелъ царь не въ дивитисій, а въ скарамангій, а въ дивитисій онъ вошелъ во второй разъ, послѣ встрѣчи патриарха, и что εἰσόδου не значитъ входить (εἰσέρχεται), а значитъ совершаетъ (малый) входъ, то-есть, строго опредѣленный актъ литургіи.

Съ этимъ совершенно согласно и то, что сказано въ нѣсколькихъ словахъ въ I, 37, 188: тамъ тоже сказано, что царь надѣваетъ дивитисій въ храмъ и затѣмъ совершаетъ входъ (εἰσόδου), а въ храмъ онъ ѣдетъ въ той же одеждѣ, въ которой вышелъ изъ дворца, то-есть, въ скарамангій.

Но куда же дѣвалось ожерелье, или галстухъ (Halsband), которое царь, по словамъ проф. Стржиговскаго, надѣвалъ около Золотыхъ воротъ и въ которомъ онъ ѣхалъ отсюда до храма? Въ подробномъ обрядѣ, то-есть, въ I, 18, говорится о надѣваніи короны, по выходѣ изъ лодки, говорится о ѣздѣ верхомъ, но объ ожерельи или какойнибудь шейной повязкѣ не говорится ни слова. Но, быть можетъ, эта подробность опущена въ обрядѣ, какъ это часто бываетъ? Къ сожалѣнію, и въ другихъ многочисленныхъ обрядахъ придворнаго устава никогда не говорится о надѣваніи царемъ ожерелья или какойнибудь другой

шейной повязки (Halsband), да и вообще галстухи и ожерелья нигдѣ не упоминаются въ Придворномъ уставѣ, какъ предметъ царскаго облаченія.

Если на голову императора Анастасія одинъ изъ тѣлохранителей возложилъ свой маниакій, то-есть, цѣпь, или гривну, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что императоры постоянно носили такія гривны. Въ данномъ случаѣ гривна была возложена вмѣсто вѣнца до формальной коронаціи и возложенія короны патриархомъ, что совершилось скорѣе, и послѣ чего императоръ уже въ полномъ облаченіи явился народу ¹⁾.

Откуда, однакожъ, взялъ свой Halsband почтенный профессоръ? Какъ въ обрядѣ выхода въ Вознесеніе, такъ и въ сжатомъ изложеніи этого обряда въ главѣ 37, на которую ссылается г. Стржиговскій и которую онъ имѣлъ въ виду, какъ мы видѣли, никакого ожерелья,

¹⁾ Точно также до формальной коронаціи была возложена гривна на Льва I, когда онъ вошелъ къ народу и войску въ трибуналъ Камна. Кромѣ гривны, возложенной однимъ кампидукторомъ на голову Льва, другая гривна дана ему была другимъ кампидукторомъ въ правую руку. Для формальной коронаціи, которая происходила въ храмѣ св. Софій, Левъ I совершилъ торжественный вѣздъ сначала верхомъ, а потомъ въ колесницѣ (I, 91, 411). При подобныхъ же обстоятельствахъ, при поднятій на щитѣ для показанія народу и войску, была возложена цѣпь, или гривна, однимъ изъ тѣлохранителей на шею Юстиниана II, послѣ чего онъ поднятъ былъ на щитѣ, а не много спустя коронованъ, то-есть, на него возложена была настоящая царская корона патриархомъ, послѣ соответствующихъ молитвъ (Corippi, de laud. Inst. Minor., lib. II, st. 150 seqq). Foggini въ примѣчаніи къ этому мѣсту Коринна совершенно вѣрно указываетъ, какъ на аналогическій фактъ, на случай при коронаціи Анастасія, выше нами изложенный, и на такой же случай возложенія цѣпи при провозглашеніи императоромъ Юліана Отступника, на голову котораго, по свидѣтельству Амміана Марцеллина, была также возложена цѣпь нѣкимъ Мавромъ драконаріемъ. Проф. Покровскій, который въ своемъ изслѣдованіи о керченскомъ щитѣ приводитъ случай съ Юстиномъ II, выводитъ изъ этого единичнаго и случайнаго возложенія гривны на шею Юстиниана II, что гривна стала служить украшеніемъ не только вельможъ, но и царей. Мы привели нѣсколько такихъ случаевъ, но всѣ они нисколько не говорятъ, что императоры постоянно носили такія цѣпи, или гривны, на головѣ или на шеѣ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ гривны замѣняли только вѣнцы во время поднятія на щитѣ и надѣвались въ порывѣ энтузіазма ихъ постоянными владѣльцами, тѣлохранителями разныхъ наименованій, которымъ цѣпи давались въ видѣ знака отличія и награды за военную службу, но стародавнему римскому обычаю, ведущему свое начало, повидимому, со временъ Манлія Торквата, а вовсе не заимствованному византийцами у персовъ или египтянъ, какъ полагаетъ проф. Покровскій (стр. 28). На Юстиниана I, поднятаго на щитѣ, также возложена была цѣпь. Гидеолоу, а послѣ этого Юстинъ облачился и былъ коронованъ патриархомъ (Cerim., I, 98, 429).

или галстуха, не упоминается, такъ что внимательный читатель станетъ втупиакъ, если онъ будетъ искать основаній для этого Halsband въ *реческомъ текстѣ* указаннаго авторомъ мѣста.

Да извинитъ насъ почтенный профессоръ, но для выхода изъ этого затрудненія для разъясненія, откуда явился византійскій галстухъ въ его изслѣдованіи, мы не находимъ другихъ средствъ, какъ обратиться къ латинскому переводу разсматриваемаго мѣста и посмотреть, не тамъ ли кроется причина и поводъ къ появленію этого небывалаго галстуха.

Мы знаемъ не мало примѣровъ того, что коварный латинскій переводъ вводилъ въ заблужденіе не только нашихъ доморощенныхъ истолкователей Придворнаго устава, но и весьма почтенныхъ западно-европейскихъ ученыхъ. Потому рѣшаемся и въ этомъ случаѣ поискать причину ошибки въ латинскомъ переводѣ, но будемъ очень рады, если г. Стржиговскій докажетъ, что мы ошиблись и что въ описаніи *Вознесенскаго* именно обряда Halsband на царѣ явился по другимъ основаніямъ. Вѣдь *errare humanum est, sed perseverare in errore nullius, nisi insipientis, est.*

Итакъ, обращаемся къ латинскому переводу и находимъ, что слова вышеприведеннаго текста: *Ἐκεῖσε (то-есть, у золотыхъ воротъ) δὲ βάλλοντες τὰ αὐτῶν χρυσᾶ διάλιθα σκαβία καὶ χαβαλιχεύοντες τὰ χιῶματα ἀπέρχονται ἐν τῇ ἐκκλησίᾳ κτλ* переведены на латинскій языкъ такъ: *ubi aureis gemmatisque gladils cincti, equo ornamentis circa collum instructo veluntur etc.* Хотя здѣсь латинская фраза ясно показываетъ, что слова *ornamentis circa collum instructo* относятся къ *equo*, а не къ царямъ, но г. Стржиговскому, очевидно, не было извѣстно, что для парадныхъ выѣздовъ верховыя лошади снаряжались въ особую сбрую и что такая парадная сбруя верховыхъ лошадей называлась τὸ χιῶμα, множ. τὰ χιῶματα.

Не зная этого, г. Стржиговскій могъ подумать, что *ornamenta circa collum* относятся къ царямъ, а не къ лошадямъ, и принявъ ихъ за Halsband царя, а не коня его, такъ какъ предположить Halsband у лошадей г. Стржиговскому могло показаться уже совершенно невѣроятнымъ и невозможнымъ.

Не понявъ такимъ образомъ рѣдкаго оборота *ἱππεῖσιν τὰ χιῶματα*, онъ передалъ его вышеприведеннымъ перифразомъ, между тѣмъ какъ оно значитъ: ѣхать на парадно убранныхъ верховыхъ лошадяхъ, или ѣхать верхомъ на лошадяхъ съ парадною сбруею, или въ парадной

сбруѣ¹⁾). Но откуда же явились *ornamenta circa collum*, которые почтенный византологъ перенесъ съ лошади на царя и принялъ за царскій Halsband? Переводъ этого мѣста сдѣланъ Лейхомъ, а Лейхъ въ пониманіи слова *χιώματα* руководствовался, очевидно, Дюканжемъ, который на основаніи одного мѣста Кодина²⁾ s. v. *χιώματα* говоритъ, что это слово значить *ornamenta circa collum equi*, и какъ на образецъ такихъ *ornamenta* указываетъ на *bulla aurea* Балдуина II, описанную въ *Familiae Byzantinae* и изображенную на таблицѣ съ рисунками, приложенной въ началѣ I тома *Gloss. (Gr. Лошади, верхомъ на которой ѣдетъ Балдуинъ на этомъ рисункѣ, дѣйствительно имѣетъ на шеѣ ремень, или широкую ленту, украшенную жемчугомъ; подобная же лента виситъ чрезъ спину сзади сѣдла, такъ что рисунокъ дѣйствительно можетъ служить иллюстраціею нижеприведеннаго мѣста Кодина. Ноги и хвостъ лошади перевязаны также лентами, или кольцами, о чемъ также упоминаетъ Кодиинъ и что напоминаетъ, какъ мы увидимъ ниже, описаніе парадной сбруи верховыхъ лошадей въ придворномъ уставѣ Константина Багрянороднаго³⁾.*

¹⁾ Въ той же 37 гл. I кн. Придворнаго устава, изъ которой взято вышеприведенное выраженіе, два раза то же самое выражено иначе: *ὀκοστρίφοισιν ἐφίπκοι μετὰ τῶν χιώματων* (р. 190 и 191) = *equis suis ornamentis circa collum instructis vehuntur*, какъ сказано въ латинскомъ переводѣ, который, пожалуй, еще легче можетъ ввести въ заблужденіе, чѣмъ переводъ выраженія: *ἰπέκειν τὰ χιώματα*.

²⁾ *Codin. de offic. c. XVII, p. 97*, говоритъ, что послѣ коронаціи царя ѣхали во дворецъ на парадно убранныхъ лошадяхъ и что *ἴν δὲ πρότερον μὲν συνήθεια φορεῖν τὸν τοῦ βασιλέως ἵπκον ἐν τῇ τοιαύτῃ πανηγύρει κατὰ τὸν τράχηλον καὶ ὀπίσθεν τῆς σέλλας ἐπάνω τῶν σκαποῦλιων ἄτερ ὀνομάζονται χιώματα, ἐκ μαργάρων καὶ λίθων συγκαίμενα, μικρὸν δὲ ἄνωθεν τῶν ἀστράγαλων περιδεδεμένας μετὰ εἰς ἐρυθράς, ἄτερ ὀνομάζονται τοῦβια*.

³⁾ Кромѣ указаннаго Дюканжемъ изображенія Балдуина II, образцомъ для иллюстраціи парадной выѣздной сбруи царскаго коня можетъ служить золотой медальонъ Юстиніана-всадника, воспроизведенный въ изслѣдованіи г. Покровскаго о керченскомъ щитѣ, а еще больше изображеніе царя на бамбергской ткани (*tissu historié*), на которой мы имѣемъ также картину триумфальнаго вѣзды послѣ побѣдоноснаго похода. Конь, на которомъ ѣдетъ верхомъ византійскій царь, изображенный здѣсь, убранный въ парадную сбрую, украшенную драгоцѣнными камнями и жемчугомъ; на шеѣ у лошади и на ногахъ широкія ленты, или ремни, украшенные также драгоцѣнными камнями и жемчугомъ. Отъ лентъ на ногахъ выходятъ кисточки, такъ что убранство этой лошади совершенно подходитъ къ тому описанію сбруи выѣздныхъ царскихъ верховыхъ коней, которое будетъ приведено ниже изъ придворнаго устава. Это сходство тѣмъ болѣе важно, что памятникъ бамбергскій относится къ X вѣку, то-есть, ко времени составленія придворнаго устава. Ткань съ вышеозначенной картиной найдена въ гробницѣ бамбергскаго епископа, похоро-

Но Reiske (Comment., p. 285) понималъ τὸ χίωμα иначе. Est mea sententia χίωμα idem, quod arabibus *rhschibe*, illud preciosum involucrem, auro, gemmis et margaritis illustratum, quod equo, quem Augustus incendit, insternitur. Самое слово χίωμα Reiske производитъ отъ слова χίωβν, херить, то-есть, начертывать букву X, и полагаетъ, что попона такъ называлась отъ того, что она была украшена идущими крестъ на крестъ и образующими въ среднѣ острые углы полосами изъ жемчуга и драгоценныхъ камней. Потому въ другихъ мѣстахъ придворнаго устава, идущихъ не Лейхомъ, а уже самимъ Reiske, слово χίωμα переводится въ латинскомъ переводѣ посредствомъ *stragulae gemmis conspicuae* или *stragulae gemmatae* (напримѣръ, p. 500 и 505, ed. Bonn.).

Къ сожалѣнію, Reiske не приводитъ въ пользу своей догадки никакихъ доказательствъ и не указываетъ никакихъ образцовъ такихъ попонъ, которыя были бы украшены двумя идущими крестъ на крестъ рядами камней и жемчуга. Позволительно потому сомнѣваться въ этомъ толкованіи, тѣмъ болѣе, что попоны эти или отдѣла надѣвались на сѣдло, такъ что середина попоны, гдѣ перекрещивались эти полосы, пришлась бы подъ всадникомъ, которому едва ли удобно было бы сидѣть на жемчугѣ и драгоценныхъ камняхъ. Еще менѣе возможно предположить, чтобы середина попоны съ перекрещивающимися полосами изъ драгоценныхъ камней клалась подъ сѣдло. Подъ сѣдломъ жемчугъ былъ бы весь смятъ, а камни врѣзались бы въ спину лошади. Да и едва ли кому нибудь могло придти въ голову украшать средину попоны драгоценными камнями и жемчугомъ, чтобы спрятать все это подъ сѣдло и переменить.

Мнѣ кажется; Reiske сдѣлалъ бы лучше и пришелъ бы, быть можетъ, къ другому объясненію, еслибы онъ сопоставилъ мѣста, въ которыхъ говорится о парадной конской сбруѣ и употребляется это слово, и на основаніи ихъ попытался составить себѣ понятіе о значеніи слова χίωμα. Такое сопоставленіе тѣмъ болѣе важно, что это слово, какъ и дивитисій, встрѣчается почти только въ одномъ придворномъ уставѣ и только изъ него самого можно болѣе или менѣе уяснить себѣ, что собственно значило это слово во время написанія самаго устава.

неянаго въ X вѣкѣ, и хранится въ бамбергскомъ музеѣ. Рисунокъ ея данъ на стр. 365 интересной и роскошно украшенной рисунками книги *Шлумберера*: Un empereur Byzantin Nicéphore Phocas, Paris, 1890.

Въ „Придворномъ уставѣ“ слово τὸ χίωμα употребляется при описаніи торжественныхъ выѣздовъ или выѣздовъ византійскихъ царей верхомъ на парадно убранныхъ лошадяхъ. Такъ, въ обрядѣ триумфальнаго выѣзда Василія I Македонянина и сына его Константина, (Append. ad Ibrg. I, p. 500) мы находимъ, что они ѣхали верхами на бѣлыхъ коняхъ въ сбруѣ, украшенной драгоцѣнными камнями (ἵπποι-σαντες ἐν ἵπποις ἐστρωμένους χίωμασιν διαλίθοις); точно также и Теофиль съ кесаремъ въ подобномъ случаѣ ѣхали на бѣлыхъ коняхъ, на которыхъ была сбруя съ драгоцѣнными камнями (ἐπέβη δὲ ἵππῳ λευκῷ ἐστρωμένῳ χίωματι διαλίθῳ, *ibid.*, 505; ср. нѣсколькими строками ниже: ἵππῳ λευκῷ σὺν χίωματι διαλίθῳ). А въ обрядахъ богомольныхъ выѣздовъ верхомъ мы находимъ болѣе подробное описаніе такой сбруи. Такъ, въ понедѣльникъ Пасхальной недѣли царь ѣхалъ изъ храма св. Апостоловъ верхомъ на лошади, на которую было надѣто сѣдло и узда, украшенные драгоцѣнными камнями и унизанныя жемчугомъ, а на хвостѣ и на ногахъ были повязки или ленты (ὁ δὲ ἵππος ἐστρωται σελλοχάλινον χρυσοῦν διάλιθον, ἡμφιεσμένον ἀπὸ μαργάρων, ἐν δὲ τῇ οὐρᾷ τοῦ αὐτοῦ ἵππου καὶ τοῖς τέσσερασι ποσὶν ἀποκρέμανται πέτασοι πράνθιοι, I, 10. 80 и 81). Почти буквально тожественно описана сбруя коня, на которомъ царь совершалъ въ Преноловенье выѣздъ въ храмъ св. Мокія (I, 17, 99). Какъ подѣ *σελλοχάλινος* разумѣется не только сѣдло и узда собственно и отдѣльно взятая, но вся вообще сбруя, то-есть, и тѣ ремни, которыми укрѣпляется сѣдло, такъ и подѣ χίωμα уставъ, очевидно, разумѣеть всю сбрую, весь парадный нарядъ выѣзднаго коня вообще, хотя первоначально χίωμα, можетъ быть, значило какую нибудь специальную часть сбруи, какъ впоследствии, если показаніе Кюдина точно, χίωματα назывались украшенные драгоцѣнными камнями и жемчугомъ ремни, или широкія ленты, которыя повязывались вокругъ шеи и свѣшивались по бокамъ лошади сзади сѣдла. Къ сожалѣнію, этимологія слова χίωμα мнѣ неизвѣстна, потому я не могу сказать, чтѣ собственно означало первоначально слово χίωμα ¹⁾. Какого бы, впрочемъ, ни было оно

¹⁾ Принимая во вниманіе, что въ греческомъ суффиксѣ *ματ* былъ первоначально носовой звукъ, осн. χίωματ (первонач. χίωματς), можно, повидимому, сопоставлять *хомать*, *хомуть*,—слово, которое находится во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ и отъ славянъ заимствовано иѣмцами. Въ виду возможности заимствования этого слова греками у славянъ или славянами у грековъ я просилъ проф. сравн. языкованія В. А. Богородицкаго поискать этимологію этихъ словъ и по возможности добраться до первоначальнаго ихъ значенія. Проф. Богородицкій ре-

происхожденія и какова бы ни была его этимологія, у византійцевъ во всякомъ случаѣ χίμας означаетъ или парадную сбрую верховой лошади вообще, какъ показываютъ вышеприведенныя мѣста Придворнаго устава, или только извѣстныя части ея, какъ думаетъ Дюканжъ на основаніи Кюдина, но не означаетъ шейной повязки или галстуха у людей, какъ понялъ это слово г. Стржиговскій. Потому какъ Дюканжъ указываетъ на bulla aurea Балдуина II, какъ на образецъ χίμας, такъ и мы можемъ указать на керченское блюдо, какъ на образецъ парадно убраннаго коня, сбруя котораго (χίμας) унизана драгоценными камнями (δάκρυον) и жемчугомъ (ήμφιστέρινον ἀπό μαρμαρίων) и вполне подходитъ къ тѣмъ эпитетамъ, которыми обозначается парадная сбруя въ вышеуказанныхъ обрядахъ въѣздовъ и выѣздовъ византійскихъ царей ¹⁾

Такимъ образомъ, отыскивая причины заблужденія г. Стржиговскаго, принявшаго конскую сбрую за царское ожерелье, мы невольно дошли до объясненія той парадной сбруи, въ которую убранный конь на керченскомъ блюдѣ и на которую не обратили вниманія ни г. Покровский, ни г. Стржиговскій, хотя послѣдній читалъ мѣсто, въ которомъ упоминается названіе такой именно парадной или триумфальной сбруи.

Наконецъ, послѣдній, приведенный г. Стржиговскимъ примѣръ употребленія дивитисія также ни мало не говорятъ въ его пользу, то-есть, въѣздъ царя Никифора Фоки для коронаціи (Сегім., I, 96, 433—440). Никифоръ, переѣхавъ изъ Іерей къ Золотымъ воротамъ, въ храмѣ пресвятой Богородицы монастыря Аврамитовъ, облачился въ скарамангій (σκαρμανγίον καστωρίον), сѣвъ на лошадь верхомъ, и ѣхалъ въ скарамангій до храма пресвятой Богородицы Фора, то-есть, находившагося на форумѣ Константина, средину котораго занимала извѣстная и до сихъ поръ стоящая на мѣстѣ колонна св. Константина. На форумѣ

результаты своихъ поисковъ изложилъ въ особой статьѣ, напечатанной во 2-мъ выпускѣ Извѣстій Казанскаго Общества Археологій за 1893 г. стр. 139 слѣд. Къ сожалѣнію, эти результаты не позволили нашему лингвисту сдѣлать какихъ-нибудь точно опредѣленныхъ выводовъ относительно первоначальнаго значенія и происхожденія славянскихъ словъ и заимствованныхъ отъ славянъ соседними народами.

¹⁾ Не одни цари, впрочемъ, ѣздили верхомъ на лошадяхъ съ χίματα. Съ такою же парадною сбруею ѣздили верхомъ и высшіе сановники, когда они торжественно ѣхали по городу. Такъ, на примѣръ, впаpxъ города, послѣ своего пронаводства въ это высокое званіе, ѣхалъ домой изъ храма св. Софіи на лошади γατά τοῦ χίματος.

св. Константина Никифоръ сошелъ съ лошади (καταλθὼν ἐκ τοῦ ἵπκου) и вошелъ въ храмъ, помолился тамъ и потомъ облачился въ дивитисій, кампаги и кампотувы. По въ этомъ облаченіи онъ уже не ѣхалъ, а шелъ пѣшкомъ до св. Софіи (καὶ ἀπὸ τοῦ φόρου παζοπορῶν εἰσῆλθεν εἰς τὴν ἀγίαν Σοφίαν), потому что онъ отъ Фора шелъ μετὰ λιτῆς, то-есть, крестнымъ или богомольнымъ ходомъ, предшествуемый крестомъ, знаменами и пр. (ср. ниже—въѣздъ Василя Македонянина).

Здѣсь, правда, и царь Никифоръ Фока идетъ отъ Фора до св. Софіи въ дивитисіѣ, если только не упущено упоминаніе плаща (σαγίον), но идетъ въ дивитисіѣ потому, что хламида царской, которая обыкновенно надѣвалась на дивитисій во время *шествѣи*, Никифоръ еще не могъ надѣть; онъ за ней только шелъ и надѣлъ ее, послѣ благоговѣнія патріарха, на амвонѣ св. Софіи. По той же причинѣ онъ шелъ безъ короны, которую только въ храмѣ св. Софіи возложилъ на него патріархъ. Слѣдовательно, случай этотъ принадлежитъ къ исключительнымъ и совершенно сходенъ съ вышеописаннымъ случаемъ, взятымъ изъ коронаціи Анастасія. Но этотъ случай доказываетъ, что царь въ дивитисіѣ *не ѣхалъ, а шелъ*; для ѣзды же верхомъ царь надѣвалъ *скармантій*, въ которомъ и ѣхалъ все время до облаченія въ дивитисій, какъ это обыкновенно бывало и въ другихъ случаяхъ, которые будутъ въ достаточномъ количествѣ указаны ниже. Потому г. Стржиговскій никонимъ образомъ не имѣлъ права сказать, что Никифоръ облачился въ храмѣ Фора въ костюмъ керченскаго щита. Напротивъ, онъ снялъ здѣсь подобный костюмъ и облачился совѣмъ въ другой, какъ мы увидимъ ниже.

Все вышеизложенное, полагаю, ясно показываетъ, что г. Стржиговскій не потрудился уяснить себѣ тѣхъ обрядовъ, которые онъ цитуетъ въ доказательство того, что дивитисіемъ называлась именно туника, или хитонъ, которая надѣта на императорѣ-всадникѣ керченскаго блюда, а, слѣдовательно, и приведенные имъ случаи употребленія дивитисія не доказываютъ того, что онъ хочетъ доказать ими то-есть, что дивитисій часто употреблялся царями безъ хламиды или плаща и составлялъ домашнее платье (Hauskleid) византійскихъ царей. Но если на императорѣ керченскаго блюда не дивитисій, то какая же одежда называется дивитисіемъ (διδυτῆσιον), и какъ правильно назвать ту тунику, въ которой мы видимъ императора на керченскомъ блюдѣ. Чтобы отвѣтить на первый вопросъ, необходимо пересмотрѣть не приведенные только у Reiske, а всевозможные случаи употребленія дивитисія въ придворномъ уставѣ, а чтобы от-

вѣтить на второй вопросъ, нужно обратить вниманіе не на обряды коронаціи и богомольныхъ выходовъ, а на обряды триумфальныхъ выѣздовъ, подобныхъ тому, который изображенъ на керченскомъ блюдѣ.

Изъ обрядовъ „Придворнаго устава“ Константина Багрянороднаго видно, что въ *дивитисій* цари облачались для торжественныхъ *επιποδωνъ и приемовъ*, и что на дивитисій надѣвалась обыкновенно хламида, въ рѣдкихъ случаяхъ лоръ, а иногда плащъ (*σαῦλον*), но дивитисій никогда не надѣвался для выѣзда верхомъ. Для ѣзды верхомъ обыкновенно надѣвался скарамангій, и если царь былъ въ дивитисіѣ, то для ѣзды верхомъ онъ снималъ дивитисій и надѣвалъ обыкновенно скарамангій, а иногда ѣхалъ верхомъ въ коловіѣ, или иматіѣ, но никогда въ дивитисіѣ.

Въ числѣ выходовъ, изложенныхъ въ „Придворномъ уставѣ“, первое мѣсто по количеству занимаютъ богомольные выходы царей въ храмъ св. Софіи, дворцовыя церкви и другіе городскіе и пригородные храмы. Такъ какъ выходы въ св. Софію, большіе, средніе и малые, мною уже описаны подробно во II кн. *Byzantina*, при чемъ указано, когда и гдѣ цари для этихъ выходовъ облачались въ дивитисій, хламиду или лоръ, то я не стану здѣсь повторять сказаннаго тамъ, приглашая читателей, желающихъ ознакомиться съ употребленіемъ дивитисіа для выходовъ въ св. Софію, обратиться къ сейчасъ названной моей книгѣ. Въ этой книгѣ, въ числѣ среднихъ выходовъ, описаны, между прочимъ, нѣсколько и такихъ выходовъ въ св. Софію, которые представляли собою только начало выходовъ въ другіе храмы, куда царь и патріархъ шли во главѣ крестныхъ ходовъ изъ св. Софіи. Въ этихъ случаяхъ цари облачались въ дивитисій и хламиду тамъ же, гдѣ они облачались въ нихъ и для большихъ выходовъ въ св. Софію собственно, и затѣмъ въ этомъ облаченіи шли до храма св. Софіи, а изъ него въ храмы: Халкопратійскій или св. Апостоловъ, гдѣ слушали литургію и приобщались Св. Тинъ или оставались только до ектеніи, слѣдующей за евангеліемъ. Такъ какъ изъ этихъ храмовъ они уѣзжали верхомъ, то предъ отъѣздомъ цари переоблачались: вмѣсто дивитисіа и хламиды надѣвали скарамангій или коловіѣ. Такъ было въ Благовѣщеніе, Рождество Богородицы и понедѣльникъ Пасхальной недѣли (I, 37, 188, 190, 191; ср. I, 1, 31; I, 30, 167; I, 10, 80). Когда же цари изъ дворца выѣзжали верхомъ или на лодкѣ, то онъ облачался въ скарамангій и въ немъ ѣхалъ до храма, а въ храмѣ переоблачался въ дивитисій, въ которомъ и оставался до конца литургіи, а предъ отъѣздомъ опять снималъ дивитисій и облачался въ

скарамангій (Ср. II, 6, 532—538). Такъ было въ Преполовеніе, когда царь ѣздилъ верхомъ въ храмъ св. Мокія (I, 17, 99, 100; здѣсь, очевидно, вмѣсто ἀπαλλάσσει стр. 21 слѣдуетъ читать ὑπαλλάσσει, какъ читается въ стр. 22; ср. I, 37, 188); въ Вознесеніе, когда, какъ мы уже видѣли, цари ѣздили въ храмъ Пресвятой Богородицы Источника, въ Успеніе и Срѣтеніе, когда цари ѣздили во Влахернскій храмъ (I, 37, 189 и 190; ср. I, 27, 148, 152, 153). Въ менѣе важные праздники цари не только ѣхали въ скарамангіяхъ, но и въ храмы входили въ нихъ, накинувши въ нарекѣ плащъ, а возвращались нерѣдко въ коловіяхъ (II, 13, 557—563; ср. II, 12, 551).

Для выходовъ въ дворцовые храмы цари точно также облачались сначала въ дивитисій въ своемъ китонѣ, а потомъ предъ началомъ выхода въ хламиды въ каморѣ св. Θεодора въ хрисотриклинѣ (въ праздникъ св. Ильи пророка: I, 19, 115; въ праздникъ освященія Новой Великой Церкви, I, 20, 119; праздникъ св. Димитрія, I, 21, 122; въ Крещенскій сочельникъ, I, 25, 141—143; въ Вербное Воскресенье, I, 32, 171). Къ выходамъ въ дворцовые храмы можно причислить и выходъ въ храмъ свв. Сергія и Вакха, который былъ очень близокъ къ дворцу и въ который цари ходили пѣшкомъ чрезъ Инподромъ во вторникъ Пасхальной недѣли (I, 11, 86; ср., кромѣ того, относительно этихъ праздниковъ 37 гл. I кн.).

Въ Инподромѣ на игры и скачки царь также выходилъ въ дивитисіяхъ и хламидахъ (I, 37, 190).

Для торжественныхъ приемовъ въ дворцѣ цари точно также облачались сначала въ дивитисій, а потомъ въ хламиду или въ хрисотриклинѣ или въ другой части большаго дворца, смотря по тому, гдѣ происходилъ приемъ. Если приемъ происходилъ въ Пасхальную недѣлю, вмѣсто хламиды царь надѣвалъ цицакій. Такъ въ среду Пасхальной недѣли царь принималъ орфанотрафа и новокрещенныхъ дѣтей въ дивитисіи и цицакій (I, 12, 90), въ четвергъ христосовался съ патриархомъ и духовенствомъ въ дивитисіѣ и цицакій (I, 14, 92). Послѣ обѣдни въ этотъ день царь выходитъ къ обѣду въ плащѣ (σαῦρον), который и снимаетъ, садясь за столъ, какъ патриархъ снимаетъ омофоръ, а послѣ обѣда какъ царь надѣваетъ плащъ, такъ патриархъ омофоръ. Обѣдаетъ царь въ одномъ дивитисіѣ (I, 14, 94—95). Для приема пословъ царь идетъ изъ хрисотриклина въ дивитисіѣ и плащѣ, а въ китонѣ Магнавра, гдѣ происходилъ приемъ, облачается въ хламиду и надѣваетъ корону (II, 15, 567; ср. 585; то же I, 24, 137), а возвращается опять въ дивитисіѣ и плащѣ (ibid).

Для чиновпроизводства высшихъ сановниковъ, происходившаго въ торжественномъ собраніи всѣхъ чиновъ, военныхъ и гражданскихъ, цари понятно также облачались въ парадныя одежды: дивитисій, хламиду и вѣнецъ, хотя въ обрядахъ не всегда перечисляются всѣ эти предметы, а упоминается иногда только хламида или надѣваніе вѣнца, но когда упоминается хламида, то само собою разумѣется, что на царѣ уже былъ раньше надѣтъ дивитисій, такъ какъ хламида, какъ лоръ, надѣвается только на дивитисій и никогда на скарамангій или иматій, на которые надѣвается всегда плащъ, который въ извѣстныхъ случаяхъ на короткое время для небольшихъ переходовъ надѣвается и на дивитисій. Упоминается дивитисій въ обрядахъ чиновпроизводства кесаря (I, 43, 218), нобилиссима (I, 44, 226), куропалаты (I, 45, 229), патрикія (I, 47, 237), патрикія зосты (I, 50, 257), препозита (I, 51, 261), между тѣмъ какъ въ другихъ обрядахъ чиновпроизводства даже въ болѣе высокія званія дивитисій не упоминается, а упоминаются только хламида, или вѣнецъ, какъ, напримѣръ, въ обрядѣ коронаціи царицы (I, 40, 202, и I, 41, 207). Точно также и во многихъ другихъ обрядахъ, при описаніи пріемовъ, упоминаются только хламида и вѣнецъ, потому что они снимаются и надѣваются съ особыми церемоніями и особыми чинами, а дивитисій, надѣтый царемъ въ самомъ началѣ въ своемъ китонѣ въ хрисотриклинѣ въ присутствіи ближайшихъ чиновъ кувуклія, не упоминается, такъ какъ царь въ немъ остается все время отъ выхода до возвращенія. Такихъ обрядовъ мы не указываемъ потому, что для незнакомыхъ съ порядкомъ облаченія и значеніемъ дивитисія, какъ предмета параднаго облаченія, такіе случаи не могутъ быть убѣдительны. Могутъ сказать, что если дивитисій не упоминается, значить его и не было на царѣ, хотя сопоставленіе съ другими обрядами могло бы ясно показать, что и въ этихъ случаяхъ цари были въ дивитисіяхъ.

Въ коронацію самого царя, когда совершался выходъ въ храмъ св. Софіи, подобный среднимъ выходамъ, царь шелъ въ скарамангій и плащъ до красныхъ вратъ. Здѣсь въ мутаторіѣ за завѣсою онъ переоблачался: вмѣсто скарамангія онъ надѣвалъ дивитисій и цицакій и, накинувши опять плащъ, совершалъ входъ въ храмъ и на солею, а оттуда на амвонъ, гдѣ на антиминосѣ лежали хламида и корона. Патриархъ читалъ молитву, благословлялъ хламиду и передавалъ ее чинамъ кувуклія, а тѣ надѣвали ее на царя, затѣмъ благословлялъ и читалъ молитву надъ короною и самъ надѣвалъ ее на царя. Въ этомъ случаѣ царь шелъ безъ хламиды и короны до самаго амвона по той

причинѣ, что какъ царскую хламиду, такъ и корону царь надѣвалъ впервые на амвонѣ, послѣ молитвъ патріарха.

По той же причинѣ и Никифоръ Фока, какъ мы видѣли, совершивъ въѣздъ въ Константинополь чрезъ Золотыя ворота и доѣхавъ до Фора Константина, заходилъ въ храмъ Богородицы Фора и тамъ, снявши верховой костюмъ, облачился въ дивитисій, кампагін и кампотувы, но не надѣлъ хламиды и короны, которыя возложены были на него на амвонѣ св. Софіи послѣ молитвъ, совершенныхъ патріархомъ.

Но Левъ I ѣхалъ въ Великую Церковь на колесницѣ не только въ дивитисіѣ и кампагіяхъ, но и въ порфировой хламидѣ и вѣнцѣ, надѣвъ эти послѣдніе еще до молитвъ патріарха, который дожидался его въ Великой Церкви. Впослѣдствіи, однакожъ, какъ видно изъ вышеупомянутыхъ обрядовъ коронаціи, хламида и вѣнецъ надѣвались царемъ только послѣ молитвъ патріарха, благодаря чему цари, быть можетъ, подобно Никифору, шли нѣкоторое небольшое, впрочемъ, пространство въ одномъ дивитисіѣ. Но если и бывали такіе случаи, то это были, какъ уже было замѣчено, случаи исключительные, нисколько не доказывающіе, что цари обыкновенно или часто совершали выходы въ одномъ дивитисіѣ, какъ думаетъ г. Стржиговскій.

Но бывали однако же случаи, и при томъ постоянно, когда цари оставались въ одномъ дивитисіѣ, безъ хламиды и вѣнца. Когда же это бывало?

При изложеніи выходовъ въ св. Софію я имѣлъ случай показать, что царь, прибывъ во дворецъ Дафны изъ хрисотриклина въ скарамангіѣ и плащѣ, переоблачался въ китонъ Дафны *въ дивитисіѣ* и *въ немъ дожидался* прибытія референдарія съ извѣстіемъ отъ патріарха о ходѣ церковной службы, чтобы съ полученіемъ этого извѣстія надѣть хламиду и вѣнецъ въ октагонѣ и слѣдовать дальше въ полномъ парадномъ облаченіи. То же самое происходило и въ храмахъ, въ которыхъ царь, какъ мы видѣли, прибывши на лошади въ скарамангіѣ, переоблачался въ парадный дивитисіѣ въ одномъ изъ помѣщеній въ катихуменіяхъ и дожидался прибытія патріарха съ крестнымъ ходомъ. Съ прибытіемъ или приближеніемъ крестнаго хода царь облачался въ хламиду и выходилъ на встрѣчу патріарху. До полученія извѣстія о прибытіи патріарха царь, значить, сидѣлъ въ катихуменіяхъ въ одномъ дивитисіѣ ¹⁾. Затѣмъ по прибытіи въ храмъ

¹⁾ См. II кн. мѣст. Византина, стр. 50 и слѣд., гдѣ приведены относящіяся сюда мѣста изъ „Придворнаго устава“. Повторять ихъ здѣсь я считаю излишнимъ

св. Софїи и возложенїи апокомвіа на св. престолъ, царь уходилъ въ свой мутаторій, гдѣ онъ снималъ хламиду и стоялъ, слушая литургію, безъ хламиды, въ одномъ дивитисіѣ. Хламиду онъ надѣвалъ, только когда выходилъ изъ мутаторіи для участія въ большомъ входѣ, для цѣлованія любви и для приобщенія Св. Таинъ (см. II кн. Byzantina, стр. 164 и слѣд.).

Такъ какъ въ другихъ храмахъ царь стоялъ обыкновенно въ катихуменіяхъ въ закрытомъ помѣщеніи и для участія въ большомъ входѣ и для цѣлованія любви не выходилъ въ храмъ, а оставался въ своемъ помѣщеніи, то, значитъ, онъ стоялъ почти всю литургію безъ хламиды, въ одномъ дивитисіѣ. Только для приобщенія Св. Таинъ, которое происходило въ смежномъ помѣщеніи въ присутствіи чиновъ, царь, безъ сомнѣнія, облачался въ хламиду и въ ней выходилъ къ патріарху, пришедшему съ св. дарами и стоявшему возлѣ антиминса. Къ сожалѣнію, я не помню ни одного обряда, гдѣ бы эта подробность была отмѣчена, и потому не могу привести ни одной цитаты, но приращеніе въ св. Софїи показываетъ, что царь, выходя для участія изъ своего мутаторіи, обыкновенно надѣвалъ хламиду. Въ ней онъ, безъ сомнѣнія, приобщался и въ другихъ храмахъ.

По окончаніи литургіи въ храмѣ св. Софїи царь обыкновенно завтракалъ въ мутаторіѣ (крѣча), при чемъ былъ, безъ сомнѣнія, въ одномъ дивитисіѣ, какъ и высшіе сановники, приглашенные къ завтраку были безъ хламидъ или лоровъ, а военные чины безъ плащей (II, 52, 766, 767, ср. 741). Послѣ завтрака царь возвращался во дворецъ изъ св. Софїи опять въ хламидѣ или лорѣ и коронѣ и доходилъ въ этомъ облаченіи до дворца Дафны. Здѣсь въ октагонѣ съ него снимали хламиду и вѣнецъ, царь входилъ въ одномъ дивитисіѣ въ китонъ Дафны, отдыхалъ здѣсь немного, потомъ надѣвалъ плащъ и шапку и шелъ въ хрисотриклинь, гдѣ снималъ плащъ, и въ дивитисіѣ входилъ въ китонъ хрисотриклина, гдѣ дождался времени выхода къ парадному обѣду. Такъ какъ въ Крещенье давали обѣдъ патріарху и духовенству въ палатѣ XIX аккумулятовъ непосредственно послѣ литургіи, то царь, дойдя до китона Дафны и отдохнувъ тамъ, надѣвалъ плащъ и шелъ не въ хрисотриклинь, а въ палату XIX аккумулятовъ въ дивитисіѣ и плащѣ, въ которомъ онъ и встрѣчалъ патріарха. Послѣ молитвы, передъ тѣмъ, какъ садиться за столъ, царь снималъ плащъ, а патріархъ омофоръ. По окончаніи обѣда царь и патріархъ снова надѣвали первый свой плащъ, а второй свой омофоръ, слушали послѣобѣденную молитву, и царь провожалъ патріарха

до Августа, а потомъ уходилъ въ хрисотриклинь, гдѣ и разоблачался (I, 27, 146—147). Совершенно также было въ четвергъ пасхальной недѣли, когда обѣдъ давался въ хрисотриклинь (I, 14, 95 см. выше), а равно и послѣ литургіи въ нѣкоторыхъ городскихъ храмахъ, рядомъ съ которыми были дворцы или смежныя помѣщенія для царскихъ обѣдовъ съ участіемъ патриарха. Такъ бывало, напримѣръ, въ храмѣ св. Мокія (I, 18, 113), во Влахернскомъ дворцѣ послѣ литургіи во Влахернскомъ храмѣ (I, 27, 152—153), въ дворцѣ при храмѣ пресвятой Богородицы Источника (I, 18, 113) и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ.

Во время парадныхъ обѣдовъ въ разныхъ помѣщеніяхъ большаго дворца въ большіе господніе праздники и другіе высокаторжественные дни царь сидѣлъ также въ одномъ дивитисіѣ (напримѣръ, II, 52, 777, 779), а чины въ присвоенныхъ имъ туникахъ или хитонахъ безъ хламидъ и плащей, хотя входили они въ столовую, гдѣ уже сидѣлъ царь за своимъ столомъ, въ хламидяхъ и плащахъ, которые снимались предъ тѣмъ, какъ садиться за столъ (I, 970; I, 61, 277; ср. II, 52, 742 и слѣд.), а послѣ обѣда до выхода изъ залы опять надевались. Въ меньшіе праздники для менѣ парадныхъ обѣдовъ чины вводились безъ хламидъ (II, 52, 759, 760, 762 и другія), а царь обѣдаетъ въ скарамангіѣ, какъ и чины синклита, напримѣръ, въ великую субботу, въ Благовѣщеніе и другіе нѣкоторые праздники (II, 52, 762, 765, 780). Позднѣе, когда выходъ въ Благовѣщеніе былъ сокращенъ и упрощенъ, царь даже обѣдалъ не въ скарамангіѣ, а въ болѣе простомъ иматіи (I, 30, 170).

Изъ всѣхъ этихъ примѣровъ, гдѣ приняты во вниманіе всевозможные случаи употребленія дивитисія, надѣюсь, видно ясно и для всѣхъ убѣдительно, что въ одномъ дивитисіѣ царь бывалъ только въ своихъ хитонахъ, въ которыхъ онъ находился съ немногими наиболее близкими чинами кувуклія, да во время обѣдовъ и завтраковъ, когда въ хламидяхъ или плащахъ сидѣть было неудобно. Въ томъ и другомъ случаѣ царь находился въ комнатахъ, а не на улицахъ и площадяхъ. Изъ этого обстоятельства, однакожъ, никакъ нельзя выводить заключенія, что дивитисій былъ домашнею одеждою, какъ дѣлаетъ г. Стржиговскій. Напротивъ, изъ вышеприведенныхъ примѣровъ видно, что дивитисій былъ исключительно парадною одеждою и употреблялся только въ самые торжественные дни и для торжественныхъ случаевъ, когда царь облачался въ полную парадную форму (былъ *ἀλατρίνως*), то-есть, для самыхъ парадныхъ выходовъ, пріемовъ и

обѣдовъ, между тѣмъ какъ въ менѣе торжественныхъ случаяхъ вмѣсто дивитисія царь надѣвалъ скарамангій, а иногда даже иматій. Скарамангій же царь надѣвалъ и для ѣзды верхомъ, а если онъ предъ выѣздомъ былъ въ дивитисіѣ, то снималъ дивитисій и надѣвалъ скарамангій. Потому, съ точки зрѣнія Придворнаго устава, на который ссылается профессоръ Стржиговскій и на основаніи обрядовъ котораго онъ старается опредѣлить костюмъ императора на керченскомъ блюдѣ, въ туникѣ императора такимъ образомъ нельзя признать дивитисій. Напротивъ, Придворный уставъ не только позволяетъ, но и заставляетъ рѣшительно сказать, что это не дивитисіѣ, а какая нибудь другая одежда. Какая это одежда, то-есть, какъ правильнѣе можно назвать эту тунику, мы постараемся опредѣлить ниже, а теперь обратимся опять къ дивитисію и посмотримъ, нельзя ли опредѣлить покрой этой одежды и указать образцы ея въ дошедшихъ до насъ памятникахъ византійскаго искусства.

Такую попытку я уже имѣлъ случай сдѣлать при описаніи царскаго облаченія во время выходовъ въ большіе Господніе праздники въ храмѣ св. Софій (Byzantina, кп. II, р. 52 слѣд.). Не соглашаясь съ тѣмъ мѣстомъ комментарія Reiske, изъ котораго г. Стржиговскій заимствовалъ свои цитаты о дивитисіѣ и въ которомъ Reiske высказываетъ свои соображенія относительно происхожденія и формы дивитисія, я старался показать на основаніи несомнѣнныхъ свидѣтельствъ „Придворнаго устава“, что дивитисій носили не только цари, кесари и нобилиссимы, но и нѣкоторые другіе чины. Такъ, въ храмѣ св. Мокія не только царь, но и евнухи протоспааріи надѣваютъ διβητήσια ἄλτρα, то-есть, бѣлые дивитисіи (I, 17, 100), а при парадномъ и въ высшей степени торжественномъ приемѣ пословъ эти самыя чины одѣты были въ стихари (II, 15, 574). Принимая во вниманіе, что царь Анастасій, какъ мы видѣли выше, предъ коронаціею надѣлъ στυχάριον διβητήσιον, можно, не рискуя сдѣлать ошибку, заключать, что дивитисіи протоспааріевъ евнуховъ были тождественны съ ихъ стихарями, тѣмъ болѣе, что въ 3-хъ мѣстахъ отличительною одеждою ихъ названъ χιτών διβητήσιουειδής, то-есть, дивитисіообразный хитонъ, или туника (II, 52, 722). Хитономъ же называется и отличительная одежда кесаря, нобилиссима и куропалаты (II, 52, 711), которая, какъ видно изъ обрядовъ чинопроизводства кесаря, нобилиссима и куропалаты, при болѣе точномъ обозначеніи называлась дивитисіемъ. Очевидно, что и въ этихъ случаяхъ разумѣется хитонъ дивитисіообразный, то-есть, стихаревидный, такъ какъ стихарь называется, какъ мы

видѣли, дивитисіемъ, а дивитисіи—стихариами. Если же дивитисіи и стихари иногда являются понятіями тождественными, то мы должны считать дивитисій и принадлежностію чина магистра, такъ какъ при производствѣ въ этотъ чинъ онъ также получалъ стихарь (II, 46, 235; ср. II, 52, 710).

Хотя стихаремъ у грековъ назывался вообще хитонъ, туника (см. *Ducange*, Gloss, s. v. *στυχάριον*), тѣмъ не менѣе названіе это невольно напоминаетъ православному читателю наши дьяконскіе стихари, которые вышли, по всей вѣроятности, изъ римскихъ далматикъ, какъ это видно изъ исторіи церковныхъ облаченій и памятниковъ искусства, между прочимъ, изъ Равеннской мозаики (ср. *Kraus*, *Encyklop. d. christl. Alterthümer*, s. v. *Kleidung*).

Обращаясь къ памятникамъ искусства, болѣе или менѣе близкимъ по времени своего происхожденія ко времени написанія „Придворнаго устава“, мы дѣйствительно находимъ, что византійскіе цари обыкновенно изображаются въ хитонахъ или туникахъ, похожихъ на наши дьяконскіе стихари и древне-римскія далматики, когда они изображаются въ парадномъ облаченіи, то-есть, въ хламидѣ, или лорѣ, и вѣнциѣ. Подъ хламидою, или лоромъ, почти всегда мы видимъ тунику или хитонъ съ широкими рукавами и безъ полъ, по своему покрою весьма близко подходящіе къ тѣмъ далматикамъ, въ которыхъ изображаются консулы на диптихахъ и которые, въ свою очередь, очень сходны съ далматиками временъ Римской имперіи, далматиками христіанскихъ духовныхъ чиновъ и, наконецъ, далматиками средневѣковыхъ западно-римскихъ и германскихъ императоровъ. Сходство между императорскими далматиками западныхъ и восточныхъ, то-есть, византійскихъ императоровъ, не смотря на нѣкоторую разницу, такъ велико, что при сравненіи тѣхъ и другихъ всякому естественно должна приходиться мысль о тождествѣ этихъ предметовъ параднаго царскаго облаченія. Къ сожалѣнію, западные императоры въ далматикахъ изображаются, сколько намъ извѣстно, гораздо рѣже, чѣмъ восточные, можетъ, потому, что западные императоры облачались въ далматику только въ самыхъ торжественныхъ случаяхъ, а въ позднѣйшее время, повидимому, только для коронаціи, между тѣмъ какъ восточные являлись въ далматикѣ во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ, какъ видно изъ вышеприведенныхъ свидѣтельствъ „Придворнаго устава“ Константина Багрянороднаго. Такое широкое употребленіе далматики у восточныхъ византійскихъ царей было, впрочемъ, введено не сразу. Въ болѣе древнія времена императоры, повидимому, надѣвали далматику

гораздо рѣже, нежели позднѣйшіе. какъ можно заключить, напримѣръ, изъ равеннскихъ мозаикъ, изображающихъ выходъ Юстиніана въ церковь. Юстиніанъ одѣтъ не въ далматикъ съ широкими рукавами, а въ тунику съ узкими рукавами, подобную той, которую цари византійскіе носили въ менѣе торжественныхъ случаяхъ, и которая во времена придворнаго устава, вѣроятно, называлась скарамангіемъ. Мы должны такимъ образомъ допустить, что далматика, какъ и многія другія парадныя одежды, употреблявшіяся первоначально въ самыхъ торжественныхъ случаяхъ, стала для большаго великолѣпія надѣваться все чаще и чаще и сдѣлалась необходимою принадлежностью параднаго облаченія ¹⁾).

¹⁾ Въ IX—XI вѣкахъ, то-есть, въ эпоху возникновенія и составленія обрядовъ „Придворнаго устава“ Константина Багрянороднаго на миниатюрахъ и дидихахъ, въ церковной живописи и мозаикахъ, на сколько мнѣ извѣстно, подъ хламидами и лорами у царей обыкновенно находятся длинныя тунники съ широкими рукавами, похожія болѣе или менѣе на наши діаконскіе стихари. Изъ-подъ такихъ рукавовъ виднѣются рукава или, по крайней мѣрѣ, поручи, закрывающіе концы рукавовъ нижней тунники (см., напримѣръ, изображеніе Евдокіи, Льва VI и Александра у *Дюканжа* въ *Famil. Byz.*, p. 118; ср. альбомъ графа *Уварова*, табл. XIII; см. также Оттона II и Теофанія у *Луандра* (*Ch. Louandre*) въ *Les arts somptuaires*, t. I, (атласъ); такихъ тунникъ можно указать много, и онѣ, безъ сомнѣнія, знакомы всякому византологу). Но въ то же время рядомъ съ такими хитонами-стихарями, похожими на далматикъ, иногда встрѣчаются также подъ хламидами и даже лорами хитоны, рукава которыхъ суживаются къ запястью и подходятъ подъ поручи, то-есть, концы рукавовъ закрываются поручами, какъ рукава нижнихъ хитоновъ при верхнихъ хитонахъ-стихаряхъ на выше указанныхъ изображеніяхъ. Такова, напримѣръ, туника на императорѣ, поклоняющемся Царю царей, Иисусу Христу, надъ царскими дверями св. Софіи; такова же туника на императорѣ Теодосіѣ въ рукописи проповѣдей св. Григорія Богослова, листъ 239 (см. хромолитографическій рисунокъ въ атласѣ, приложенномъ къ византійскому альбому графа Уварова, № 8, гдѣ имѣется превосходное изображеніе киворія съ царскимъ трономъ *σείς*). Такіе же хитоны съ рукавами, оканчивающимися поручами, встрѣчаются изрѣдка на царяхъ и въ *Минологіѣ* *Василія II* подъ хламидою, хотя обыкновенно цари изображаются въ хитонахъ съ широкими концами рукавовъ, какъ у нашихъ стихарей и консульскихъ далматикъ. Иногда хитоны съ узкими и широкими концами рукавовъ изображаются рядомъ, и при томъ такъ, что не всегда можно разобрать, какіе рукава у хитона, узкіе или широкіе. Такъ, въ вышеназванной книгѣ *Луандра* на одной таблицѣ имѣется изображеніе Соломона въ облаченіи византійскаго царя съ предстоящими справа и слѣва царями. На самомъ Соломонѣ подъ лоромъ хитонъ съ широкими концами рукавовъ, изъ-подъ которыхъ видны поручи нижняго хитона. На царяхъ подъ хламидами хитоны на однихъ съ широкими, на другихъ съ узкими концами рукавовъ, и при томъ безъ поручей. На царѣ, стоящемъ справа отъ Соломона, на правой рукѣ

Принимая во вниманіе это сходство далматикъ западно-римскихъ съ тою туникою, которую мы постоянно встрѣчаемъ на византійскихъ императорахъ, когда они изображаются въ парадныхъ одеждахъ, то-есть, въ хламидѣ, или лорѣ, и вѣницѣ, мы естественно должны удивляться тому, что въ „Придворномъ уставѣ“, гдѣ чуть не на каждой страницѣ говорится объ одеждахъ и весьма часто о парадномъ облаченіи царей, между прочимъ, и для коронаціи, мы совсѣмъ не встрѣчаемъ далматикъ, какъ будто ея совсѣмъ и не было, и она вовсе не употреблялась, хотя западно-римскіе, или точнѣе германскіе, императоры и французскіе короли старались копировать восточныхъ въ своемъ парадномъ облаченіи. Правда, въ позднѣйшее время (у Кодина) та одежда, которая походитъ на западно-римскую далматикъ, называется саккосомъ, и потому и тѣ безполыя туники съ широкими рукавами, которыя мы видимъ на памятникахъ подъ хламидою или лоромъ, нѣкоторые ученые называютъ иногда и совершенно справедливо саккосомъ.

довольно узкій рукавъ, а на лѣвой очень широкій. Очевидно, или рисунокъ не точенъ, или подлинникъ не ясенъ, то-есть, на рукава не обращено достаточнаго вниманія. Иногда самая форма широкаго рукава можетъ вводить въ заблужденіе. Такъ, на таблицѣ IX во II книгѣ моихъ *Byzantina* правый рукавъ Никифора Вотаниата какъ будто суженъ на концѣ и собранъ подъ поруку, на самомъ дѣлѣ онъ только сръзанъ съ закругленіемъ; а въ сущности рукавъ на концѣ широкій и такой же формы, какъ и лѣвый рукавъ дивитисіа на таблицѣ I. Независимо отъ такихъ и подобныхъ неточностей и неясностей рисунковъ, имѣются изображенія, въ которыхъ рукава хитона подъ хламидою, или лоромъ, служиваются къ концу и подходятъ подъ поруку, а не заходятъ на нихъ. Таковъ, напримѣръ, хитонъ на Мануилѣ Палеологѣ подъ лоромъ въ известномъ изображеніи его съ семействомъ. Такъ какъ, по придворному уставу Константина Багрянороднаго, подъ хламидою и лорѣ цари обыкновенно надѣваютъ дивитисіи, то и въ такихъ хитонахъ подъ хламидою и лоромъ, въ которыхъ рукава служиваются къ концу и подходятъ подъ поруку, мы должны съ точнѣе зрѣніи Придворнаго устава призвать дивитисіи, тѣмъ болѣе, что разница въ сущности очень не велика между хитонами съ широкими и узкими концами рукавовъ и состоитъ только въ томъ, что рукавъ, обыкновенно широкій, къ концу суживается, и концы ихъ обхватываются поручами, вмѣсто того, чтобы быть сверхъ ихъ, какъ бываетъ большею частію. А развѣ допускалось и бывало такое измѣненіе рукава, благодаря которому далматикъ, дивитисіи, саккосъ приблизились къ туникѣ съ узкими рукавами, могло послѣдовать и дальнѣйшее сближеніе этихъ двухъ туникъ, такъ что явились дивитисіи-саккосы, своимъ покроемъ не отличающіеся отъ обыкновенной туники съ узкими рукавами, каковъ саккосъ Мануила II Палеолога и его новоявленнаго сына, что не мѣшало быть въ то же время саккосамъ-дивитисіямъ, сохранявшимъ свои древнія черты старинныхъ римскихъ консульскихъ далматикъ.

Но и слово „саккосъ“ „Придворному уставу“ неизвѣстно. За то, какъ мы видѣли, въ парадномъ облаченіи, передъ хламидою и лоромъ, на царей въ придворномъ уставѣ постоянно надѣваютъ *diviticiis* и даже въ древнихъ обрядахъ коронаціи, относящихся ко временамъ до-Юстиніановскимъ, мы находимъ *στυχάριον διβητήριον*, который надѣвается предъ коронаціею, то-есть, предъ надѣваніемъ благословенной патріархомъ царской хламиды и вѣнца. Не естественно ли предположить, принимая все это во вниманіе, что „дивитисіи“ и есть та одежда, которую мы видимъ на современныхъ и на несовременныхъ „Придворному уставу“ изображеніяхъ императоровъ византійскихъ подъ хламидою или лоромъ и которая походитъ на римскую и позднѣйшую императорскую далматіку, а равно и на саккосъ позднѣйшихъ императоровъ, патріарховъ и архіереевъ.

Для меня, по крайней мѣрѣ, это не только кажется естественнымъ, но и единственно возможнымъ объясненіемъ того употребленія дивитисіа, которое мы постоянно встрѣчаемъ въ придворномъ уставѣ, сравнительно съ изображеніями византійскихъ царей, которыя мы находимъ въ современныхъ византійскихъ памятникахъ, особенно на миниатюрахъ, диптихахъ, мозаикахъ, иконахъ и т. п. ¹⁾.

Царицы на такихъ же памятникахъ, современныхъ или близкихъ по времени къ обрядамъ „Придворнаго устава“, имѣютъ подъ хламидою или лоромъ почти такія же туники съ широкими рукавами и въ коронаціонномъ обрядѣ называются царскимъ стихаремъ (*στυχάριον βα-*

¹⁾ Изображенія царей и царицъ въ парадномъ облаченіи до насъ дошло очень много, и потому одивитисіяхъ-саккосахъ царскихъ мы можемъ составить себѣ болѣе или менѣе ясное представленіе. Дошелъ даже одинъ великолѣпный эвземпляръ разръзнаго царскаго дивитисіа. Мы разумѣемъ ватиканскую далматіку, описанную и великолѣпно изданную Фр. Боккомъ. Эта далматіка изображена на одной изъ таблицъ атласа, приложеннаго къ II книгѣ моихъ *Byzantina*, гдѣ указаны и многія изображенія царскихъ далматікъ, а частью и воспроизведены на приложенныхъ таблицахъ. Не считая необходимымъ повторять здѣсь сказаннаго въ сей-часъ названной моей книгѣ (см. указатель и объясненія къ таблицамъ), я позволю себѣ замѣтить только, что, по моимъ догадкамъ, высказаннымъ тамъ же, и самая этимологія слова *διβητήριον* указываетъ на тожество его съ далматікою, такъ какъ *στυχάριον διβητήριον* = *tunica dalmatica*. На сколько убѣдительно эта моя догадка, это другой вопросъ. Если я позволю себѣ обратитъ на нее вниманіе читателей, то дѣлаю это въ тѣхъ видахъ, чтобы вызвать со стороны интересующихся и компетентныхъ читателей или возраженія или подтвержденія моихъ соображеній, и такимъ образомъ добратъ до первоначальнаго значенія этого слова и точнѣе уяснить не только употребленіе, но и названіе этой важной принадлежности царскаго облаченія.

ολικόν, I, 46 208), на который послѣ молитвы патріарха надѣвается хламида. Если мы припомнимъ, что и въ другихъ случаяхъ дивитисій иногда называется стихаремъ, то мы едва ли будемъ сомнѣваться въ томъ, что здѣсь подъ „царскимъ стихаремъ“ разумѣется тотъ же дивитисій, который подъ хламиду или лоръ надѣвался царями кесарями и другими вышеназванными чинами.

Такъ какъ дивитисій соотвѣтствуетъ западной далматикѣ и называется стихаремъ, то естественно сравнивать его съ діакономскимъ стихаремъ, который также вышелъ изъ далматки. И дѣйствительно, сходство между діакономскими стихарями и дивитисіями IX—XI в. до того очевидно, что отрицать этого сходства нельзя; не смотря на громадное пространство во времени, діакономскіе стихари сохранили свои основныя черты гораздо болѣе, нежели вышедшіе изъ далматикъ-дивитисіевъ саккосы, особенно архіерейскіе нашего времени и временъ близкихъ къ намъ ¹⁾). Теперешніе архіерейскіе саккосы гораздо уже, короче древнихъ саккосовъ, которые мы знаемъ по изображеніямъ, напримѣръ, патріарха Никона, саккосы котораго очень близки къ царской далматикѣ—дивитисію. То обстоятельство, что патріаршіе и архіерейскіе саккосы дѣлаются теперь изъ двухъ полотнищъ, застегиваемыхъ на бокахъ, не можетъ смущать насъ, такъ какъ ватиканская далматика доказываетъ, что и царскіе дивитисіи-саккосы бывали разрѣзные, и показываетъ, почему они дѣлались разрѣзными.

Существенною чертою какъ далматикъ-дивитисіевъ-саккосовъ, такъ и стихарей является отсутствіе поля, то-есть, разрѣза спереди отъ подола до ворота. Когда саккосы стали дѣлаться изъ тяжелой матеріи, ихъ трудно было надѣвать чрезъ голову, и потребовались разрѣзы на бокахъ, такъ какъ безъ этихъ разрѣзовъ при надѣваніи матерія слишкомъ бы мялась и портилась. Эта отличительная черта дивитисіевъ-саккосовъ важна въ то же время и потому, что ею объясняется, почему цари византійскіе никогда не ѣздили въ своихъ дивитисіяхъ верхомъ, а надѣвали для этого вмѣсто саккосовъ скарамантинъ, коловин и иматин. Царскіе дивитисіи въ IX—XI вв. дѣлались очень длинными,

¹⁾ Сходство далматки съ стихаремъ діаконовъ въ греко-восточной церкви до того очевидно, что западно-европейскіе ученые считаютъ нашъ діакономскій стихарь наиболѣе сохранившимъ свои древнія черты типомъ далматки. См. *Marquardt, Das Privatleben d. Röm.*, S. 564, и *Dictionn. des antiquités Duremberg'a* и *Saglio*, v. v. dalmatica. Какъ *Marquardt*, такъ и *Bayet*, авторъ статьи о далматикѣ въ *Dictionnaire des antiquités*, слѣдуютъ *Boissieré* (*Abhandl. d. phil.-hist. Cl. der Bayerischen Acad.*, III, S. 556).

до пять, и въ то же время почти такой же ширины внизу, въ подолѣ, какъ и вверху, въ плечахъ, и походили на мѣшокъ, почему и стали въ послѣдствіи называться саккосами, то-есть, мѣшками (*sakkos*), такъ что даже для ходьбы въ нихъ потребовались не большіе разрѣзы внизу, доходившіе до колѣнъ. Вхвать верхомъ въ такой туникѣ было еще труднѣе: ея покрой не позволялъ раздвинуть ноги и спустить ихъ на бока лошади. Чтобы сѣсть верхомъ въ такомъ хитонѣ, какъ дивитисій-саккосъ, напримѣръ, Никифора Вотаніата¹⁾, необходимо его поднять почти до живота, снять совершенно саккосъ и оголить ноги. Это не красиво, не удобно, и потому никогда и не дѣлалось: вмѣсто саккоса-дивитисія цари надѣвали туники, болѣе пригодныя для верховой ѣзды.

Если такимъ образомъ обряды „Придворнаго устава“, на которые ссылается г. Стржиговскій, никонимъ образомъ не могутъ служить доказательствомъ того, что императоръ на керченскомъ блюдѣ одѣтъ въ дивитисій, а доказываютъ, напротивъ, что эта туника никонимъ образомъ за дивитисій не можетъ быть принята, то какъ же можно назвать эту тунику и къ какому разряду одеждамъ она относится. Для того, чтобы опредѣлить это на основаніи „Придворнаго устава“, на сколько позволительно объяснять обычай и порядки тѣхъ временъ, къ которымъ относится керченское блюдо, нужно, какъ уже было замѣчено, взять не обряды богомольныхъ выходовъ и въѣздовъ, не обряды обѣдовъ и другихъ подобныхъ торжественныхъ собраній, а обряды въѣздовъ въ города послѣ побѣдоносныхъ походовъ, то-есть, обряды такихъ именно дѣйствій, къ которымъ принадлежитъ изображенное на керченскомъ блюдѣ.

Позволяю себѣ думать, что съ этимъ согласится и самъ г. Стржиговскій, и что даже онъ самъ бы взялъ для объясненія такіе именно обряды, еслибы онъ былъ знакомъ съ содержаніемъ „Придворнаго устава“ и пользовался имъ не по указателю къ комментаріямъ Reiske, а на основаніи собственнаго изученія самаго „устава“. Въ „Придворномъ уставѣ“ имѣются два обряда, въ которыхъ описывается торжественный въѣздъ императора послѣ побѣдоноснаго похода, кромѣ выше изложеннаго въѣзда Никифора Фоки. Въ одномъ описывается въѣздъ царя Василія I Македонянина съ старшимъ сыномъ своимъ Константиномъ, умершимъ раньше отца и не царствовавшимъ, хотя и коронованнымъ, а въ другомъ въѣздъ царя Теофила послѣ подобнаго же

¹⁾ См. таблицу IX атласа, приложеннаго къ II тн. моихъ *Byzantina*.

похода противъ саракинъ (Append. ad libr. I, 498 слѣд., ed. Bonn). Оба эти обряда представляютъ записи о въѣздахъ, которыя, какъ образцы подобныхъ церемоній, приложены къ трактату о походахъ царей, заканчивающемуся указаніями, какъ царь возвращается изъ похода и въѣзжаетъ въ городъ. Я не считаю необходимымъ подробно излагать эти въѣзды, а укажу только главные моменты и обращу особенное вниманіе на костюмы царей во время въѣзда.

Василій съ своимъ сыномъ Константиномъ, возвратившись изъ похода на Тефриву и Германикію, остановился въ Іересѣ, на азіатскомъ берегу, противъ Константинополя, оттуда перешелъ въ Евдомъ, находившійся на западъ отъ западныхъ стѣнъ Константинополя на берегу Мраморнаго моря, гдѣ встрѣченъ былъ синклитомъ и народомъ. Помолвившись въ храмѣ Іоанна Предтечи въ Евдомѣ, цари, надѣвъ *скарамантии* (βαλὼν σκαραμάτιον τριβλάτιον), поѣхали верхомъ въ храмъ пресвятой Богородицы Аврамитовъ къ Золотымъ воротамъ, гдѣ собраны были плѣнные саракины и важнѣйшіе предметы военной добычи, которые должны были предшествовать Василию и Константину въ процессіи. Когда все это прошло чрезъ Золотыя ворота, цари Василій и Константинъ, бывшіе въ храмѣ пресвятой Богородицы Аврамитовъ, встали и переоблачились. Скарамантии, въ которыхъ они ѣхали до храма пресвятой Богородицы Аврамитовъ, они сняли и вмѣсто скарамантиевъ великій царь и самодержецъ, то-есть, Василій надѣлъ иматій, или хитонъ сверхпанцырный, златотканый, весь унизанный жемчугомъ, а по краямъ обшитый крупнымъ жемчугомъ, затѣмъ препоясалъ поясной мечъ и возложилъ на голову кесарскую діадиму (τὸ διάδημα καίσαρίσιον). А сынъ его Константинъ надѣлъ золотой панцырь, поясной мечъ и золотыя поножи, а въ руки взялъ золотое копье, усыпанное жемчугомъ. На голову свою онъ надѣлъ повязку въ родѣ кокошника, бѣлую, златотканую, имѣя на лбу подобіе златотканаго вѣнца. Въ такомъ облаченіи оба они сѣли на бѣлыхъ коней, снаряженныхъ въ усыпанную драгоценными камнями сбрую (ἐστρωμένους χιφράσι διαλίθοις). Въ такомъ облаченіи цари ѣхали верхомъ до фора Константина, лежавшаго на западѣ отъ св. Софіи по такъ называемой Большой или Средней улицѣ. Здѣсь цари сошли съ лошадей и вошли во храмъ пресвятой Богородицы Фора, у котораго ихъ встрѣтилъ патріархъ, пришедшій сюда съ крестнымъ ходомъ на встрѣчу царямъ ¹⁾).

¹⁾ Въ виду того, что это мѣсто я буду разсматривать дагѣ и объяснить, считаю необходимымъ выписать его цѣликомъ: Ἐκβαλόντες τὰ σκαραμάτια, ἐφόρα-

Послѣ молитвы въ этомъ храмѣ цари снова переоблачились: они сняли военную одежду, въ которой ѣхали верхомъ (*ἐκβαλόντες τὰ στρατηγικά*), и облачились въ парадныя мирныя одежды, а именно надѣли дивитисіи; на нихъ накинули златотканныя хламиды, обули кампаги, а на голову надѣли вѣнцы или парадныя короны. Въ этомъ парадномъ облаченіи, предшествуемые знаменами, скипетрами, большимъ и драгоцѣннымъ крестомъ, и всѣмъ синклитомъ, цари пошли пѣшкомъ по Средней улицѣ къ площади Августеону и св. Софій, черезъ Орологій вошли во дворъ св. Софій, въ мутаторіѣ Красныхъ вратъ сняли вѣнцы и совершили по обычаю большихъ богомольныхъ выходовъ входъ въ храмъ св. Софій съ патриархомъ, гдѣ слушали литургію по чину Господнихъ праздниковъ, затѣмъ возвратились во дворецъ и дали большой обѣдъ. Словомъ шествіе отъ фора Константина и возвращеніе во дворецъ совершилось совершенно такъ, какъ совершались богомольные выходы въ пять Господнихъ праздниковъ, описанные мною во II книгѣ *Byzantina*.

Царь Теофілъ съ кесаремъ Вардою совершалъ свой торжественный вѣздъ нѣсколько иначе, хотя въ интересующемъ насъ отношеніи вѣздъ его былъ тождественъ съ вѣздомъ Василія. Изъ Іеремъ Теофілъ переплылъ сначала во дворецъ около монастыря св. Маманта, а оттуда къ Влахернамъ, отъ Влахернъ, то-есть, отъ сѣверо-восточнаго угла городской стѣны Теофілъ ѣхалъ верхомъ внѣ стѣны къ Золотымъ воротамъ, около которыхъ устроена была палатка. Подождавъ здѣсь, пока пройдутъ въ ворота плѣнные и другіе предметы военной добычи, царь всталъ и облачился въ златотканый сверхъ-нанцырный, розогроздый хитонъ, опоясалъ мечъ и надѣлъ на голову тиару. Затѣмъ сѣлъ на бѣлаго коня, осѣдланнаго въ украшенную драгоцѣнными камнями сбрую, а въ правую руку взялъ скипетръ¹⁾. А кесарь надѣлъ золотой нанцыръ съ золотыми же по-

σαν ὁ μὲν αὐτοκράτωρ καὶ μέγας βασιλεὺς ἱμάτιον ἐπιώρικον χρυσοῦφαντον διόλοι ταχυκελατὸν διὰ μαργαριτῶν καὶ ἐν ταῖς ὄρναις ἡμφιεσμένον διὰ μαργαριτῶν τελείων, ζωσάμενος καὶ σπαθίον ζωστικίον, φορέσας καὶ διάδημα ἐπὶ τῆς κεφαλῆς αὐτοῦ καισαρικόν. ὁ δὲ υἱὸς αὐτοῦ Κωνσταντῖνος ἐφόρεσεν κλιβάνιον χρυσοῦν καὶ σπαθίον ζωστικίον, ποδόφελά τε χρυσαῖ, καὶ ἐν τῇ χειρὶ ἔλαβεν λόγχην χρυσαῖν διὰ μαργαριτῶν ἡμφιεσμένην. ἐπὶ δὲ τῆς κεφαλῆς αὐτοῦ ἐφόρεσεν φακίλιον δίχην προπολώματος λευκὸν χρυσοῦφαντον, ἔχων ἐπὶ τοῦ μετώπου ὁμοίωμα στεφάνου χρυσοῦφαντου. ἐπέβησαν δὲ ἀμφότεροι ἰππεύσαντες ἐν ἵπποις λευκοῖς ἐστρωμένοις χιῶμασιν διαλίθοις *Cerim., Appendix, ad libr. I, p. 500, ed. Bonn.*

¹⁾ *Cerim., Appendix, ad libr. I, p. 505: ἀναστὰς ὁ βασιλεὺς ἐφόρεσεν χιτῶνα χρυσοῦφαντον ἐπιώρικον, τὸν ποδόφελον, ζωστικίον καὶ σπαθίον, βαλὼν καὶ τιάραν ἐπὶ*

ручами и поножами, а на голову шлемъ съ золотымъ обручемъ, препоясалъ мечъ и сѣлъ также на бѣлаго коня, осѣдланнаго въ украшенную драгоцѣнными камнями сбрую ¹⁾). Въ руку кесарь взялъ золотое копье. Въ такомъ воинскомъ нарядѣ царь и кесарь, сопровождаемые всѣмъ синклитомъ, военными чинами и чинами кувуклія, вѣхали въ Золотыя ворота и затѣмъ вѣхали по Средней улицѣ до Милія, то-есть, до площади Августеона, гдѣ чины синклита сошли съ лошадей, за исключеніемъ бывшихъ въ походѣ, и иѣшникомъ предшествовали царю до св. Кладезя, то-есть, до южныхъ вратъ св. Софіи, до которыхъ Теофиля, кесарь и бывшіе съ нимъ въ походѣ чины, вѣхавшіе также въ парадныхъ военныхъ костюмахъ, доѣхали верхомъ. У св. Кладезя царь, кесарь и чины, вѣхавшіе верхомъ, сошли съ лошадей; царь съ кесаремъ вошли въ храмъ, снявши, конечно, въ св. Кладезѣ свои головные уборы, помолились въ храмѣ св. Софіи, но не слушали литургіи, какъ Василій съ своимъ сыномъ, а послѣ молебствія вышли опять чрезъ св. Кладезь на площадь Августеона и чрезъ нее пришли къ Халкѣ, гдѣ былъ устроенъ помостъ съ треномъ. Царь вошелъ на помостъ, сѣлъ на тронъ, принялъ депутаціи отъ города, поднесшія ему вѣнки, сказалъ рѣчь и затѣмъ сѣлъ опять на лошадь верхомъ и проѣхалъ чрезъ діанатки Ахилла, мимо банъ Зевксиппа въ Ипподромъ, а оттуда къ Юстиніановой палатѣ, предъ вестибуломъ которой, Скилами, царь сошелъ съ лошади и вошелъ во дворецъ ²⁾). За вѣздомъ послѣдовали продолжавшіяся нѣсколько дней празднества, игры, шпы, производство въ чины, награды, подарки и т. д.

Вѣздъ Теофила, какъ видитъ читатель, былъ проще: онъ не заходилъ въ храмы для молитвы, а прямо проѣхалъ отъ Золотыхъ воротъ въ св. Софію въ военномъ или генеральскомъ костюмѣ (τὰ στρατηγικά) и даже тамъ не снялъ его, а въ немъ же возвратился во

τῆς κεφαλῆς αὐτοῦ. ἐπέβη δὲ ἰππῷ λευκῷ ἐστρωμένῳ χιῶματι διαλίθῳ, λαβὼν ἐν τῇ δεξιᾷ χειρὶ σκήπτρον. Какъ видитъ читатель, Теофиля вѣхалъ въ такомъ же хитонѣ, какъ и Василій, только тамъ этотъ хитонъ наванъ иматиємъ. Въ схожимъ къ тому мѣсту, однако же, замѣчено, р. 500: ἰστέον, ὅτι ὁ χιτῶν οὗτος λέγεται ὁ ῥοδόβωτρος.

¹⁾ Ibidem: ὁ δὲ καίσαρ ἐφόρεσεν χρυσοῦν κλιβάνιον σὺν μανικελίῳν καὶ ποδοπέλλῳν καὶ αὐτῶν χρυσοῦν, βαλὼν ἐπὶ τῆς κεφαλῆς αὐτοῦ καὶ κασίδα σὺν περικεφαλαίᾳ χρυσοῦν ζωάμενος καὶ σκαθίον, ἐπίβας καὶ αὐτός ὁμοίως ἰππῷ λευκῷ σὺν χιῶματι διαλίθῳ. ἔλαβεν δὲ καὶ τῇ χειρὶ λόγχην χρυσοῦν.

²⁾ О пути отъ Халки до Смы см. моя Byzantina, кн. I, стр. 77 слѣд., гдѣ довольно подробно разобрано это мѣсто изъ обряда вѣзда Теофила.

дворецъ. Въѣздъ Василія былъ торжественнѣе и сопровождался нѣсколькими переоблаченіями, но верхомъ ѣхали Василій и его сынъ въ тѣхъ же костюмахъ, какъ и Теофилъ съ кесаремъ, такъ что ихъ военный верховой костюмъ описывается почти тѣми же словами. Василій, очевидно, въ этомъ случаѣ, то-есть, относительно верховаго костюма, имѣлъ въ виду обрядъ въѣзда Теофила и пользовался имъ для своего въѣзда, хотя, какъ православный и благочестивый царь, Василій соединилъ свой въѣздъ съ молитвами въ двухъ другихъ храмахъ, кромѣ св. Софіи, да и въ св. Софіи Василій слушалъ литургію и приобщался Св. Таянъ, а не ограничивался одною молитвою, какъ послѣдній иконоборческій императоръ Теофилъ. Но для насъ въ настоящее время важны не эти особенности въѣздовъ, а подробности костюмовъ, въ которыхъ верхомъ ѣхали императоры и кесарь. Хотя керченское блюдо принадлежитъ къ гораздо ранней эпохѣ, чѣмъ только что изложенные обряды въѣздовъ, хотя между керченскимъ блюдомъ и обрядами въѣздовъ Теофила и Василія прошло около трехъ столѣтій, тѣмъ не менѣе, если всмотрѣться въ описаніе костюмовъ царей въ обрядахъ и сравнить ихъ съ костюмомъ римскаго императора на керченскомъ блюдѣ, то сходство не только конской сбруи, но и костюмовъ бросается въ глаза. Если мы возьмемъ облаченіе Василія, которое было почти тождественно съ облаченіемъ Теофила, но которое описано подробнѣе, и, смотря на керченскій памятникъ, будемъ разбирать и объяснять его, то, мнѣ кажется, мы не только найдемъ большое сходство, но даже найдемъ, что керченскій памятникъ можетъ служить прекрасною иллюстраціею для объясненія вышеизложенныхъ обрядовъ триумфальныхъ въѣздовъ византійскихъ царей вмѣстѣ съ другими подобными памятниками, частію воспроизведенными въ изслѣдованіяхъ гг. Стржиговскаго и Покровскаго. Археологическое значеніе керченскаго блюда, конечно, только выигрываетъ и увеличивается отъ того, что оно стоитъ въ близкомъ отношеніи къ нѣкоторымъ обрядамъ „Придворнаго устава“, а для понятія о дивитисіѣ керченское блюдо не имѣетъ никакого значенія, такъ какъ изображенный на немъ императоръ одѣтъ несомнѣнно не въ дивитисій, да, кромѣ того, для дивитисія мы имѣемъ очень много памятниковъ, имѣемъ даже образцы ихъ, дошедшіе до насъ. Наконецъ, основныя и важнѣйшія черты дивитисія мы имѣемъ въ теперешнихъ нашихъ діаконовыхъ стихаряхъ и архіерейскихъ саккосахъ, такъ что большаго количества наглядныхъ образцовъ едва ли можно и желать.

Совсѣмъ въ другомъ положеніи мы находимся относительно въѣзд-

ныхъ военныхъ костюмовъ царей. Цари большею частію изображаются въ парадной формѣ, то-есть, именно въ дивитисіяхъ, хламидахъ или лорахъ и коронахъ, но сравнительно рѣдко въ выѣздныхъ костюмахъ, верхомъ, въ другихъ своихъ нарядахъ. Изъ эпохи возникновенія обрядовъ Придворнаго устава я, по крайней мѣрѣ, очень мало знаю подобныхъ памятниковъ искусства; потому въ моихъ глазахъ керченское блюдо имѣетъ огромную цѣну и значеніе для иллюстраціи триумфальныхъ выѣздовъ не только эпохи Юстиніана, къ которой керченскій памятникъ, быть можетъ, относится, но и для болѣе поздняго времени, для IX—X вѣка, тѣмъ болѣе, что въ это время, очевидно, еще живы были старыя традиціи и хорошо извѣстны были прежніе порядки триумфальныхъ выѣздовъ. Иначе трудно себѣ объяснить такое поразительное сходство въ описаніяхъ выѣздныхъ костюмовъ съ изображениями ихъ на памятникахъ искусства, а въ томъ числѣ и на керченскомъ блюдѣ или щитѣ ¹⁾.

Въ самомъ дѣлѣ, если мы разберемъ костюмъ царей Василія и

¹⁾ Сюда можно отнести вышеупомянутый византийскій памятникъ, найденный въ гробницѣ бамбергскаго епископа Гюнтера и хранящійся въ Бамбергскомъ музее. На картинѣ, находящейся на этой ткани, изображенъ царь въ моментъ триумфальнаго выѣзда послѣ побѣдоноснаго похода, какъ это ясно видно изъ того, что двѣ женщины въ коронахъ подносятъ ему, какъ триумфатору, богато украшенный шлемъ и вѣнецъ. Царь, подобно Василію и Теофілу, держитъ скипетръ въ видѣ лабара въ лѣвой рукѣ и одѣтъ въ длинный расшитый хитонъ съ узкими рукавами (скармангій?), сверхъ котораго накинуть плащъ. На головѣ у царя корона. Конь въ парадной сбруѣ (уіѳра) и съ кольцами на ногахъ и на шеѣ. Сюда же можно отнести вмѣстѣ съ г. Стржиговскимъ изображеніе Константина Великаго въ моментъ пораженія Максентія у Мильвійскаго моста, потому что императоръ изображенъ въ военномъ костюмѣ; хотя св. Константинъ сражается, а не совершаетъ торжественный выѣздъ, тѣмъ не менѣе онъ изображенъ, очевидно, не въ простомъ военномъ костюмѣ, а болѣе или менѣе парадномъ генеральскомъ и даже съ короною на головѣ. Потому сопоставленіе этого изображенія съ костюмомъ императора на керченскомъ щитѣ, сдѣланное г. Стржиговскимъ, можно признать совершенно правильнымъ, хотя св. Константинъ изображенъ въ туникѣ, менѣе нарядной и великолѣпной, чѣмъ туника императора на керченскомъ щитѣ, и плащѣ (а не хламидѣ, какъ говоритъ г. Стржиговскій, не отличающій, повидимому, хламиду, *χλαμίδα*, отъ плаща, *σαγυμ*, *σαγίον*), котораго нѣтъ на императорѣ керченскаго щита. Но костюму сюда же можно отнести и портретъ Василія II Болгаробойцы въ написанной для него венеціанской псалтири: Василій II представленъ здѣсь въ парадномъ генеральскомъ костюмѣ, какъ мы увидимъ, очень похожемъ на тотъ, въ которомъ совершали выѣздъ спутники Василія и Теофіла, Константинъ, сынъ Василія, и Варда кесарь, но Василій опять-таки изображенъ въ плащѣ и не верхомъ, а стоя на подножій (*ὀποπόδιον*).

Феофила, въ которомъ они вѣзжали въ городъ верхомъ, то мы найдемъ, что онъ вполне подходитъ къ костюму императора-всадника, изображеннаго на керченскомъ блюдѣ. На головѣ Василя, какъ мы видѣли, была кесарская діадима (*διάδημα καesarίχον*). Діадимами, какъ извѣстно, въ римско-византійскую эпоху назывались головныя повязки, сдѣланныя изъ золота, драгоцѣнныхъ камней и жемчуга и замѣнявшія короны или вѣнцы. Такія повязки, діадимы, постоянно встрѣчаются на монетахъ и другихъ памятникахъ съ изображеніями императоровъ. Съ теченіемъ времени эти діадимы замѣнены были коронами, или вѣнцами, вышедшими частію изъ шапокъ, частію изъ шлемовъ, посредствомъ украшенія этихъ шапокъ или шлемовъ золотымъ обручемъ, или вѣнкомъ, унизаннымъ драгоцѣнными камнями или жемчугомъ, а иногда только двумя или нѣсколькими рядами жемчуга. Такого рода короны и употреблялись въ X вѣкѣ въ качествѣ парадныхъ царскихъ коронъ, которыя назывались *στέμματα*, *στέφανοι* вѣнцы, но не *διάδηματα*-повязки. ¹⁾ Если Василій вѣзжалъ въ діадимѣ, то, очевидно, на немъ былъ не обыкновенный вѣнецъ, а особаго рода повязка, замѣнявшая вѣнецъ, какъ и на его сынѣ, была не корона, *στέμμα*, а опять-таки повязка, въ родѣ кокошника, изъ бѣлой златкотканой матеріи, съ золотымъ или тоже златотканымъ ободкомъ на нижней части этой повязки вокругъ лба. Какого рода была повязка на Василіѣ, мы, конечно, точно описать не можемъ, такая ли, какую носили въ качествѣ коронъ древніе римско-византійскіе цари, или она сдѣлана была и надѣвалась нѣсколько иначе, сказать трудно. Но, очевидно, она была отлична отъ шапки или форменной короны, которую Василій надѣваетъ, какъ и сынъ его, въ храмѣ Богородицы Фора.

Діадима названа кесарскою, а кесарская корона въ IX—X вѣкахъ существенно отличалась отъ царской короны тѣмъ, что кесарская корона не имѣла креста наверху, какъ царская. И въ этомъ отношеніи діадима Василя походила на діадиму императора-всадника на

¹⁾ О происхожденіи разныхъ формъ и типовъ царскихъ (императорскихъ) и королевскихъ коронъ очень основательно трактовалъ Дюканжъ въ XXIV диссертациі на исторію Людовика Святаго Жуанвья. Тѣ мѣста разсматриваемыхъ нами обрядовъ, въ которыхъ говорится о головныхъ уборахъ Константина, сына Василя, и кесаря Варды, вполне подтверждаютъ теорію Дюканжа. Какъ повязки Константина, такъ и каски Варды значенія коронъ придавали особые золотые обручи, или вѣнки, которые были надѣты сверхъ ихъ головныхъ уборовъ. Каски или шлемы посредствомъ золотыхъ или жемчужныхъ обручей издала превращались въ короны, когда царь изображался, напримѣръ, на монетахъ въ военномъ парадномъ облаченіи.

керченскомъ щитѣ, хотя прежде этого различія не было, и царскіи короны также были безъ крестовъ, особенно діадимы, то-есть, повязки, почти никогда не имѣютъ креста ¹⁾).

Оеофилъ ѣхаль также не въ парадной коронѣ (στέμμα), а въ тіарѣ, которая иначе называется туфа, или тога, то-есть, въ высокой шанкѣ восточнаго, быть можетъ, персидскаго образца, конечно, украшенной ободкомъ изъ золота и драгоценныхъ камней ²⁾. Кесарь ѣхаль въ шлемѣ или каскѣ съ золотымъ ободкомъ, который придавалъ этой каскѣ значеніе короны (σὺν περικεφαλαίᾳ χρυσῆι, которой у Константина, сына Василія, соответствуетъ ὁμοίωμα στεφάνου χρυσοῦφάντου

¹⁾ Діадима императора на керченскомъ блюдѣ представляетъ или золотой обручъ, или златотканую ленту, украшенную рядами жемчуга. Если она была золотымъ обручемъ съ жемчугомъ, то она уже представляла собою переходъ къ позднѣйшимъ вѣнцамъ, но надѣвалась еще, какъ настоящая діадима, то-есть, повязка, не горизонтально на голову, какъ потомъ надѣвались короны-шанки, а наклонно, съ теменію подъ затылокъ, гдѣ у діадимъ обыкновенно были завязки. Проф. Покровский въ своемъ описаніи керченскаго блюда отмѣчаетъ то обстоятельство, что на діадимѣ нѣтъ привѣсокъ изъ жемчуга (ἐνώτια, χρεαστάρια), которыми, по словамъ г. Покровскаго, появляются съ Юстиніана I и становятся обычными съ Юстина II (стр. 82). Считаю долгомъ замѣтить, что подвѣсокъ, какими онѣ являются позднѣе, у діадимъ, то-есть, у головныхъ повязокъ и даже обручей, надѣваемыхъ не горизонтально, а наклонно, никогда, по моимъ наблюденіямъ, не бываетъ, а вмѣсто этого всегда имѣются дѣйствительныя или фальшивыя завязки назадъ, подъ затылкомъ; потому ихъ и не видно на керченскомъ щитѣ, гдѣ императоръ изображенъ en face. Подвѣски явились тогда, когда короны стали имѣть видъ шапки или шлема и надѣваться горизонтально. Тогда завязки, утратившія при такихъ коронахъ всякое значеніе, исчезаютъ назадъ, а вмѣсто ихъ появились привѣски около ушей. Въ виду этого въ объясненіи къ одной изъ таблицъ, приложенныхъ во II книгѣ моихъ Byzantina (стр. 287, прим. 1), я высказалъ предположеніе, что подвѣски вышли изъ завязокъ діадимъ. Такъ какъ зашла рѣчь о коронахъ, то позволяю себѣ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы исправить одну неточность, вкравшуюся въ описаніе короны Никифора Фоки въ объясненіяхъ въ табл. VI (стр. 295 той же II кн. Byzantina). Красную вставку въ ободкѣ короны Никифора я принялъ за матерію шанки-короны. Но сравненіе съ другими подобными изображеніями царскихъ коронъ (ср., между прочимъ, таблицу IX въ сейчасъ названной II кн. Byzantina) заставляетъ, кажется, принять эту вставку скорѣе за красный драгоценный камень, чѣмъ за матерію краснаго цвѣта, такъ какъ красные драгоценныя камни постоянно и преимущественно употреблялись для украшенія не только императорскихъ коронъ, но и лоровъ и разныхъ нашивокъ и обшивокъ на дивитіяхъ-далматикахъ и хламидахъ.

²⁾ О туфѣ, или тіарѣ, см. *Дюканжа*, Gloss. gr. et latin. s. v. тоуфа, tufa; ср. *Weiske*, Comment. ad Cegim., p. 591, и вышеназванную диссертацію Дюканжа къ Исторіи Жуанвья.

ἐπί τοῦ μετόπου) ¹⁾. Переходя затѣмъ къ туникѣ, въ которую облачался Василій для вѣзда, мы видимъ, что она называется иматіемъ (ἱμάτιον), а такая же туника Θεοφιλα называется хитонѣмъ (χιτών), каковымъ именемъ называется въ схолияхъ и ἱμάτιον Василя I. Изъ этого ясно, что хитонъ и иматій въ средніе вѣка означалъ одежду одинаковаго рода, между тѣмъ въ классическомъ языкѣ, какъ извѣстно, хитонъ означалъ рубашку или тунику, а иматій означалъ плащъ. Разница между хитонѣмъ и иматіемъ въ средніе вѣка состояла, по видимому, въ томъ, что хитонъ въ средніе вѣка означалъ тунику особаго рода, одинъ изъ хитоновъ или туникъ.

Въ „Придворномъ уставѣ“ мы находимъ, на примѣръ, нѣсколько хитоновъ: дивитисій, скарамангій, коловій, иматій, которые всѣ представляютъ собою видоизмѣненія туники, и всѣ означаютъ не нижнюю тунику, соотвѣтствующую нашей рубашкѣ, а верхнюю, хотя иматій, быть можетъ, употреблялся часто и не въ качествѣ самой верхней туники, и на него надѣвались другія парадныя туники.

Во времена Симеона Θεσσαλονικійскаго, при послѣднихъ Палеологахъ, темный иматій служилъ отличительною одеждою духовенства, которая надѣвалась прежде всѣхъ другихъ одеждъ и которая составляла принадлежность всѣхъ духовныхъ лицъ, какого бы ранга они ни были. Изъ описанія этой одежды видно, что иматій представлялъ собою длинную тунику съ рукавами и по своему значенію и назначенію соотвѣтствовалъ болѣе или менѣе теперешнему подряснику или полукафтаныю, которые носятъ всѣ духовные чины и на которые

¹⁾ Въ такихъ каскахъ, или шлемахъ, съ золотыми и жемчужными обручами вмѣсто діадимы императоры изображаются часто въ римско-византійскую эпоху на монетахъ. Въ такой же каскѣ изображенъ и Юстиніанъ на золотомъ медальонѣ, рисунокъ котораго данъ въ статьѣ проф. Покровскаго о керченскомъ блюдѣ. У Юстиніана этотъ золотой ободокъ очень роскошенъ и усыпанъ жемчугомъ. На монетахъ, на сколько можно судить по рисункамъ, каски, замѣняющія короны, украшаются обыкновенно нѣсколькими рядами жемчуга. На монетахъ, изображенныхъ у Дюканжа въ *Familiae Byzantinae*, такими рядами жемчуга украшена и та каска-корона, на которой впервые являются подвѣски въ позднѣйшемъ смыслѣ, то-есть, привѣски къ коронамъ, спускающіяся около ушей. Эти монеты принадлежатъ Юстину I, а на Юстиніанѣ впервые появляется корона шапка съ такими подвѣсками и крестами наверху. Но и послѣ этого діадимы въ тѣсномъ смыслѣ, то-есть, повязки въ качествѣ короны, употребляются долго и только при Ираклидахъ вытѣсняются коронами-шапками и касками. На послѣднихъ и въ это время попадаются завязки позяди вмѣсто подвѣсокъ (ἀνθήματα).

уже надѣваются предметы облаченія церковнаго, различные для каждаго духовнаго чина ¹⁾).

Изъ этого позднѣйшаго свидѣтельства о назначеніи иматія для насъ важенъ покрой, который показываетъ, что иматиємъ называлась туника съ рукавами безъ талии. Длина и цвѣтъ его зависѣли, конечно, отъ назначенія. Если духовные чины носили туники темнаго цвѣта и длинныя до пятъ, то это, конечно, не значитъ еще, что всѣ другія лица носили иматіи такого же цвѣта. Не менѣе важно то обстоятельство, что иматіи представляли собою такую тунику, на которую надѣвались предметы облаченія церковнаго, служебнаго. Изъ этого можно заключить, что иматіи составляли одежду обыкновенную, не парадную, не служебную, а обыденную, хотя она же могла быть и выходною, подобно подряснику нашихъ священниковъ, для которыхъ до введенія въ употребленіе рясы выходною одеждою служилъ тотъ же подрясникъ, то-есть, такой же кафтанъ, который, быть можетъ, надѣвался на другой подобный кафтанъ или подрясникъ.

Подобно духовнымъ лицамъ позднѣйшаго времени, и другія лица, чиновники и цари, надѣвали свои парадныя облаченія на хитоны или иматіи. На нихъ надѣвались дивитисіи и скарамангіи, которые въ средніе вѣка иногда дѣлались такими длинными, что закрывали ихъ совершенно. Подъ длинными дивитисіями, впрочемъ, часто видѣнъ подолъ нижняго хитона и всегда видны рукава, обитые поручами. Въ тѣхъ случаяхъ, когда дивитисіи дѣлались до пятъ и совершенно закрывали подолъ нижняго иматія, длину этого послѣдняго, конечно, опредѣлить нельзя, но можно думать, что они дѣлались и длинными и короткими, смотря по надобности и назначенію. Въ ряду одеждъ царскихъ относительно торжественности и парадности иматіи занимали 3-е мѣсто: въ самыхъ торжественныхъ случаяхъ цари, какъ мы видѣли, обѣдали въ дивитисіѣ, въ менѣе торжественныхъ въ скарамангіѣ, а иногда, когда хотѣлъ обѣдать еще въ болѣе простомъ платьѣ, царь оставался въ одномъ иматіѣ, безъ скарамангіи, или, быть мо-

¹⁾ См. *Дюканжъ*, Gloss. гр., в. v. *ιμάτιον*. Очень обстоятельное истолкованіе свидѣтельства Симеона даетъ профессоръ *Голубинскій* въ своей Исторіи Русской Церкви, I, 1, стр. 465 слѣд., гдѣ онъ сравниваетъ иматіи съ однорядкой и объясняетъ разницу однорядки или подрясника сравнительно съ иматиємъ, первоначально не имѣвшимъ полъ, а представлявшимъ собою длинную безъ полъ и безъ талии одежду, въ родѣ длинной рубахи. Ср. также *Савваитова*, Описаніе старинныхъ царскихъ утварей и одеждъ и проч., С.-Пб., 1865, стр. 226 (в. v. однорядка).

жсть, надѣвалъ вмѣсто внутренняго иматія, другой покрасивѣе и подороже.

Иматій такимъ образомъ дѣйствительно можетъ быть названъ обыденною, домашнею одеждою, какъ называется г. Стржиговскій парадный дивитисій, то-есть, такую одеждою, которую носили дома въ качествѣ верхняго платья, подобно нашимъ сюртукамъ или подрясникамъ духовныхъ лицъ. Но иматіи въ то же время, какъ и у духовныхъ лицъ, служили выходною одеждою. Понятно, такіе выходные иматіи были болѣе роскошныя и съ разными украшениями. Наконецъ, у царей могли быть иматіи, украшенныя по меньше парадныхъ облачений, и служить для выѣздовъ и выходовъ, но не такихъ, въ которыхъ цари по традиціи должны были въ парадныхъ традиціонныхъ облаченіяхъ, которыя хотя и вышли изъ обыденныхъ одеждъ, но затѣмъ употреблялись только въ качествѣ служебной и парадной одежды, какъ церковныя облаченія духовныхъ лицъ.

Будучи обыденною одеждою, иматіи въ то же время служили военною одеждою, военнымъ хитономъ, какъ одежда легкая и удобная, подобно нашимъ военнымъ сюртукамъ, которыя еще недавно были не только домашнею и служебною, но и въ то же время парадною военною одеждою.

Военные хитоны, по понятной причинѣ, всегда были коротки какъ у римскихъ, такъ и византійскихъ воиновъ, какъ показываютъ многочисленныя изображенія римскихъ и византійскихъ воиновъ. Римскіе, а затѣмъ византійскіе императоры, когда они изображаются въ военныхъ костюмахъ, какъ верховные вожди военныхъ силъ имперіи, являются на памятникахъ также въ короткихъ туникахъ, изображаются ли они конными, или пѣшими. Въ такой короткой туникѣ изображенъ императоръ и на керченскомъ блюдѣ; въ такомъ-же короткомъ хитонѣ-иматіѣ, безъ сомнѣнія, ѣхалъ и Василій, такъ какъ на немъ былъ военный, генеральскій костюмъ (*τὰ στρατηγικά*), а военные костюмы были коротки, такъ что у римскихъ воиновъ и полководцевъ видны были голыя колѣни и бедра, которыя у византійцевъ закрывались штанами, плотно прилегавшими къ тѣлу, подобно длиннымъ до живота чулкамъ. Въ подобной же короткой туникѣ или иматіѣ ѣхалъ и Теофилъ, костюмъ котораго описывается тѣми-же словами, какъ и костюмъ Василія, только короче ¹⁾.

¹⁾ Рисунки средневѣковыхъ иматіевъ военныхъ людей дошли до насъ въ огромномъ количествѣ. Въ одномъ мнѣлогіѣ Василія II Болгаробойды можно

Этотъ иматій называется сверхпанцырнымъ (ἐπιφόριον), то-есть, надѣваемымъ сверхъ панцыря (λωρίχη, λωρίχιον=lorica) или латъ. Такой-же иматій или туника надѣта и на императорѣ керченскаго блюда. Между тѣмъ какъ Юстиніанъ на изображеннхъ въ статьѣ г. Покровскаго памятникахъ ѣдетъ въ однихъ латахъ, безъ хитона сверхъ нихъ, подобно Константину, сыну Василія, и кесарю Вардѣ, Василій и Теофілъ имѣють сверхъ панцыря иматій, совершенно такой же, какой мы видѣли на императорѣ керченскаго блюда. Проф. Стржиговскій называетъ его узкимъ на основаніи непрявильнаго описанія дивитисія у Reiske. Но, какъ дивитисій былъ одеждою довольно широкою, особенно въ болѣе древнія времена, такъ и сверхпанцырный иматій долженъ былъ дѣлаться довольно просторнымъ. Такой дѣйствительно иматій керченскаго блюда. Онъ такъ широкъ въ плечахъ, что складки его закрываютъ все пространство между руками и боками и только поясъ собираетъ эти складки у талии, такъ что только здѣсь иматій плотно прилегаетъ къ тѣлу ¹⁾).

Иматій Василія былъ златотканый и весь унизанъ рядами жемчуга (χρυσοῦφαντον διόλου καρχαλλωτὸν διὰ μαργαριτῶν), а по краямъ усипанъ крупнымъ жемчугомъ (καὶ ἐν ταῖς ὀρθαῖς ἡμιεσμεῖνον διὰ μαργαριτῶν τελεῖων). Καρχαλλωτός, cancellatus значить сѣтчатый, рѣшетчатый,

видѣть всевозможные образцы военныхъ иматіевъ, украшенныхъ разными рисунками, обшивками, и безъ оныхъ, разной ширины и длины. Всѣ они представляютъ болѣе или менѣе просторную туннику и по своему покрою въ основныхъ чертахъ походятъ на туннику императора и тѣлохранителя на керченскомъ щитѣ. Потому, если костюмъ императора на этомъ щитѣ можно считать рѣдкимъ, какъ образецъ вѣднаго военнаго иматія, то уже никакъ не по своему покрою, по своимъ основнымъ чертамъ. По своимъ основнымъ признакамъ и покрою костюмъ императора на керченскомъ щитѣ представляетъ самую обыкновенную, самую распространенную военную туннику или иматій. Вѣроятно, и г. Стржиговскій, говорящій (стр. 20), что костюмъ этотъ nur insofern etwas Auffallendes hat, als es auf den Denkmälern selten vorkommt, разумѣетъ именно то, что императоры рѣдко изображаются въ такихъ тунникахъ, а не то, что такіа тунники вообще встрѣчаются рѣдко въ памятникахъ искусства.

¹⁾ Такія сверхпанцырныя тунники назывались также ἐπιχλίβανα, а въ болѣе древнія времена ἐπιθραχίδια. У французскихъ рыцарей и королей подобныя тунники назывались cotte d'armes и замѣняли собою древніе галльскіе плащи (saga), почему и назывались также saumon (sagum). О нихъ см. *Дюканжа*, Первая диссертація къ исторіи Людовика Ов. Жуаннѣя. Такъ какъ сверхпанцырныя тунники замѣняли собою плащи (saga, σαγία), то этимъ, быть можетъ, слѣдуетъ объяснить отсутствіе плаща и на императорѣ керченскаго щита, между тѣмъ какъ болѣею частію римско-византійскіе императоры-всадники изображаются въ панцыряхъ безъ сверхпанцырнаго хитона, но за то въ плащахъ.

отъ *καρχαλλόν*, *сапселлум*—рѣшетка, рѣшетчатая, а не сплошная досчатая дверь, загородка. Имятій Василія, какъ и Теофила, былъ, слѣдовательно, унизанъ жемчугомъ, такъ что жемчужины составляли ряды, а не какія нибудь другія фигуры или изображенія. На самомъ хитонѣ или иматіи жемчужины были обыкновенныя, болѣе или менѣе мелкія, а по краямъ, то-есть, на подолѣ (*βρα—ογα*), хитонъ или иматій былъ унизанъ самыми лучшими, самыми крупными жемчужинами, такъ что ряды такого жемчуга составляли бордюръ хитона и замѣняли обшивку, которою обыкновенно украшались одежды. Обращаясь къ нашему памятнику, то-есть, къ керченскому блюду, мы видимъ, что онъ также унизанъ жемчугомъ. Какъ на рукавахъ, такъ и на груди мы видимъ ряды жемчуга. Эти ряды окружаютъ конецъ рукава, образуя родъ поручей; затѣмъ выше локтя эти ряды идутъ кругами и образуютъ родъ круглой нашивки на верхней части рукава, которая часто является и на другихъ хитонахъ. На груди изъ рядовъ жемчуга сдѣланы также нашивки, клады (*clavi*), которыя въ древнее время дѣлались изъ матерій; но эти жемчужныя клады идутъ только до пояса по той, очевидно, причинѣ, что продолжать ихъ подъ поясъ было бы совершенно нецѣлесообразно: жемчугъ подъ поясомъ былъ бы смятъ и раздавленъ. По той-же, очевидно, причинѣ и подолъ обшить не кругомъ, какъ это обыкновенно бываетъ на хитонахъ, назначенныхъ для ходьбы, а не для верховой ѣзды, а только по бокамъ, гдѣ кромѣ бордюра сдѣланы овальныя нашивки и идущія на встрѣчу кладамъ продольныя полосы снизу вверхъ. Всѣ эти обшивки и нашивки сдѣланы изъ крупнаго жемчуга и вполне напоминаютъ то описаніе хитона Василія и Теофила, которое мы сейчасъ только рассмотрѣли. Можетъ быть, впрочемъ, что имятій Василія, кромѣ бордюра и украшеній, подобныхъ тѣмъ, которыя мы видимъ на хитонѣ императора, изображеннаго на керченскомъ блюдѣ, былъ и въ другихъ частяхъ украшенъ хотя бы рѣдкими рядами или пятами жемчуга, благодаря которымъ онъ весь казался сѣтчатымъ или рѣшетчатымъ (*δίπλοο καρχαλλωτόν*). Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ описаніе иматія Василія весьма близко подходитъ къ хитону или туникѣ керченскаго блюда и, очевидно, имѣетъ въ виду именно такого рода парадныя, триумфальныя въѣздныя военныя туники, и сомнѣваться въ этомъ весьма трудно, особенно, если мы примемъ во вниманіе, что обряды въѣздовъ Теофила и Василія раздѣляются отъ нашего памятника нѣсколькими вѣками, въ теченіе которыхъ манера украшать ткани для парадныхъ одеждъ значительно измѣнилась. Но

съ другой стороны никакъ нельзя назвать хитонъ керченскаго блюда *αὐρόχλαβον*, какъ желаетъ его назвать г. Стржиговскій, примѣняя къ нему эпитетъ, данный въ обрядѣ коронаціи Анастасія дивитисію. На иматіи или туникѣ керченскаго блюда клады и обшивка (*ἄρασι, ογαε*) не золотыя, а жемчужныя. Золотыя бордюры и клады дѣлались обыкновенно на одеждахъ изъ цвѣтной или бѣлой матеріи и представляли собою кайму или нашивки изъ золотой парчевой матеріи. Образцовъ такихъ одеждъ съ золотыми парчевыми бордюрами и нашивками на рисункахъ сохранилась такая масса, что указывать такіе рисунки и перечислять, полагаю, нѣтъ надобности. Сколько можно судить по рисунку керченскаго блюда, весь хитонъ императора золотистаго цвѣта, и потому золотистый бордюръ былъ бы даже для него неудобенъ, такъ какъ онъ былъ одного цвѣта со всею хитономъ. Потому, въ противоположность проф. Стржиговскому, который говоритъ, что эпитетъ *αὐρόχλαβον* больше всего подходитъ къ хитону нашего памятника, я полагаю, что этотъ эпитетъ нимало не подходитъ къ нему, такъ какъ онъ весь золотистаго цвѣта и края, по крайней мѣрѣ, на рисункѣ никакою особенною позолотою не отличаются.

Почему хитонъ Теофила и Василия называется „розогроздымъ“, сказать опредѣленно не берусь, позволю себѣ однакожь высказать предположеніе, что какъ скарамангій Пикифора Фоки названъ бобровымъ (*χαστόριον*), вѣроятно, отъ цвѣта ткани, походившаго на цвѣтъ бобровой шкуры, такъ и хитоны названныхъ царей названы розогроздыми, можно думать, отъ сходства цвѣта матерій, изъ которой они были сдѣланы, съ цвѣтомъ гроздовъ краснаго винограда. Но, быть можетъ, еще вѣроятнѣе будетъ предположеніе, что *ροδόζωτρος*, розогрозды, означаетъ, что хитонъ былъ сдѣланъ изъ ткани, украшенной вышитыми или вытканными по ней золотыми розами (розетками) и гроздами ¹⁾.

¹⁾ *Scrim.* I, 10, 80 мы встрѣчаемъ „коловій“, который царь надѣваетъ для ѣзды верхомъ и который также усыпанъ драгоценными камнями и жемчугомъ. Коловій этотъ называется *βότρος*. *Reiske* въ объясненіи къ этому мѣсту (*Comm.* p. 188) высказываетъ предположеніе, что коловій такъ назывался отъ массы жемчуга, его покрывавшаго. Но сложное *ροδόζωτρος*, мнѣ кажется, не позволяетъ принять это толкованіе. Скорѣе можно отнести этотъ эпитетъ или къ цвѣту матеріи, или вышивкамъ на матеріи. Но крайней мѣрѣ, относительно розъ извѣстно, что хламида нобилиссима была украшаема золотыми розами и такими же табліями по зеленому полю (*I*, 44, 227). Возможно потому предположить, что вышивались и золотые грозды, какъ вышивались золотые цвѣты и листья. А если это предположеніе вѣрно, то *ροδόζωτρος* будетъ означать ткань съ вышитыми по ней или вытканными золотыми гроздами и розами, а *βότρος* — ткань, украшенную только гроздами.

Кесарь Варда, вѣзжавшій вмѣстѣ съ Оеофиломъ, и Константинъ, сынъ Василя, не имѣли на себѣ сверхпанцырнаго иматія, а были въ золоченыхъ панцыряхъ или латахъ, слѣдовательно, были одѣты точно такъ, какъ Юстиціанъ на медали, изображенной въ изслѣдованіи г. Покровскаго, и какъ часто изображаются императоры римско-византійской эпохи на монетахъ, когда они изображаются въ военныхъ костюмахъ въ видѣ побѣдителей съ викторіею въ одной рукѣ, съ копьемъ или крестомъ въ другой. ИMATIЙ въ этомъ случаѣ является подъ латами и видна только нижняя часть его, подолъ, и рукава. Подобнымъ же образомъ изображенъ Василій II Болгаробойца въ венеціанской рукописи (Псалтири) ¹⁾. Василій II изображенъ военачальникомъ въ военномъ костюмѣ: сверхъ иматія на немъ панцырь, а въ рукѣ копье. Сверхъ панцыря у него накинуть плащъ; плащъ мы видимъ обыкновенно на сейчасъ упомянутыхъ монетныхъ изображеніяхъ императоровъ. Былъ ли накинуть плащъ у Константина и Варды сверхъ ихъ панцырей, объ этомъ не сказано, какъ не упомянуты и плащи Оеофила и Василя. Быть можетъ, эта подробность опущена, какъ это часто бываетъ въ обрядахъ, а быть можетъ также, что плащи въ такихъ случаяхъ въ IX—XI вѣкахъ не надѣвались. какъ показываетъ, повидимому, умолчаніе о плащахъ при описаніи парадныхъ богомольныхъ выѣздовъ царей, указанныхъ выше. Керченское блюдо показываетъ, что дѣйствительно цари ѣздили иногда въ торжественныхъ случаяхъ безъ плащей ²⁾.

¹⁾ Хромолитографированные рисунки съ этой миниатюры даны у *Лабарта* въ *Les arts industriels* и у *Schlumberger'a* въ *Un Empereur Byzantin*. О рукописи этой и миниатюрахъ ея см. *Н. П. Кондакова*, *Исторія византійскаго искусства*, стр. 166 слѣд.—На Василю надѣтъ, подъ плащомъ, сверхъ иматія, золоченый панцырь, а на рукахъ такія же поручи, которыя могутъ служить иллюстраціею для упоминаемыхъ въ обрядахъ выѣздовъ золоченыхъ или золотыхъ панцырей и поручей, въ которыхъ совершали выѣздъ Константинъ, сынъ Василя, и Варда кесарь.

²⁾ Проф. Покровскій въ своемъ описаніи Керченскаго щита удивляется тому, что императоръ изображенъ безъ хламиды, которая составляетъ принадлежность императорскаго облаченія и которая является обыкновенно, когда императоръ изображается въ парадномъ костюмѣ. Изъ вышеприведенныхъ случаевъ употребленія хламиды видно, что она надѣвалась на дивитісій, какъ и горъ, а дивитісій для верховой ѣзды не надѣвался и не могъ надѣваться, какъ я старался показать выше. Не надѣвалась и не могла надѣваться и хламида почти по тѣмъ же соображеніямъ, какъ и дивитісій: хотя она имѣла разрѣзъ на боку, но она все-таки была слишкомъ длинна, тяжела и для верховой ѣзды не удобна, потому что закрывала лѣвую руку, въ которой при верховой ѣздѣ цари обыкновенно держатъ поводъ узды. Потому изобразить царя верхомъ въ хламидѣ было не при-

Какъ цари, одѣтые въ иматій, такъ и кесарь, одѣтый въ панцырь или латы, имѣли на поясѣ мечи. Императоръ керченскаго щита также имѣеть мечъ, богато украшенный драгоценными камнями и жемчугомъ, какъ, вѣроятно, украшены были и мечи византійскихъ царей; но мечъ у императора на керченскомъ памятникѣ виситъ не на поясѣ, а на портупеѣ, которая, какъ и поясъ, украшена драгоценными камнями и жемчугомъ.

Какъ императоръ керченскаго щита, какъ Юстиніанъ на золотомъ медальонѣ держать копье въ правой рукѣ, такъ точно съ копьемъ въ рукахъ ѣхали Константинъ, сынъ Василія, и кесарь Варда, между тѣмъ какъ Василій и Теофилъ ѣхали, держа въ правой рукѣ скипетръ. Константинъ и Варда, бывшіе въ латахъ, имѣли, кромѣ того, на ногахъ поножи, а на рукахъ поручи, такъ же позолоченныя, какъ и латы. Скипетръ въ рукахъ царей Теофила и Василія является очевидно, признакомъ верховной власти и самодержавства (*αὐτοκρατορία*) и отличалъ ихъ, какъ правящихъ царей и самодержцевъ, Теофила отъ кесаря Варды, и Василія отъ сына его Константина, который номинально былъ уже коронованнымъ царемъ, но не правилъ, былъ, по тогдашнему выраженію, царемъ малымъ, въ противоположность правящему, большому или великому царю.

Чтобы покончить съ костюмомъ царя, намъ остается сказать о

знакомъ подлинности Керченскаго блюда, какъ думаетъ г. Покровскій, а скорѣе признакомъ подложности (стр. 27), по крайней мѣрѣ, для позднѣйшаго времени, когда писались обряды Придворнаго устава. Но, повидимому, г. Покровскій не различаетъ хламиды отъ плаща, въ которомъ императоры дѣйствительно изображаются обыкновенно, когда на нихъ бываетъ военный костюмъ. Въ плащѣ они дѣйствительно изображаются и верхомъ, какъ Юстиніанъ на медальонѣ и на монетахъ. Но, какъ показываютъ обряды выѣздомъ и въѣздомъ, и плащъ не всегда надѣвался для верховой ѣзды, по крайней мѣрѣ, въ позднѣйшее время. Во всякомъ случаѣ онъ не упоминается. А когда надѣвался сверхъ панцыря широкой иматій, то отсутствіе плаща можно объяснить тѣмъ, что иматій замѣнилъ въ этомъ случаѣ плащъ (Ср. выше примѣчаніе, въ которомъ говорится о франц. *cotte d'armes*). Единственный, известный мнѣ примѣръ ѣзды верхомъ въ такомъ плащѣ, который, пожалуй, можно принять за хламиду, представляетъ собою медальонъ Валента, изображенный въ изслѣдованіи г. Покровскаго, но еще вопросъ, слѣдуетъ ли его считать за хламиду, или это тоже плащъ (*sagum*). Очень возможно, что во время Валента плащи не отличались такъ правильно и строго отъ хламидъ, какъ впоследствии, по своему покрою и употребленію, и потому при верховой ѣздѣ могли употребляться такіе плащи, которые очень близко подходили по своему покрою и матеріи къ хламидѣ.

штанахъ и обуви царя. Г. Стржиговскій, какъ мы видѣли, считаетъ ихъ тождественными съ *τοοβία* и *χαρκάγια βασιλικά*, въ которыя облачился Анастасій предъ своею коронаціею. Мы старались показать, что г. Стржиговскій не вѣрно принялъ коронаціонное облаченіе Анастасія за костюмъ, тождественный съ выѣзднымъ, военнымъ костюмомъ императора на керченскомъ щитѣ. Тоже можно сказать и о штанахъ съ обувью, если мы будемъ имѣть въ виду вышензложенные обряды въѣздовъ Оеофила и Василія. Они въѣзжали въ генеральскомъ костюмѣ, и такъ какъ остальной костюмъ ихъ былъ очень сходенъ съ костюмомъ императора на керченскомъ щитѣ, то можно думать, что и штаны были на нихъ такіе же. Къ сожалѣнію, объ обуви и штанахъ, въ которыхъ они ѣхали, ничего не говорится, но за то сказано, что когда, снявши военное облаченіе, Василій и Константинъ облачались въ парадное, то-есть, дивитисій, хламиду и царскую корону, то они вмѣстѣ съ тѣмъ надѣли и *χαρκάγια* ¹⁾.

Точно также и Никифоръ Фока, ѣхавши до храма Пресвятой Богородицы Фора въ скарамангіѣ, то-есть, тунникѣ, въ которой цари часто ѣздили верхомъ во время торжественныхъ выѣздовъ, облачившись въ этомъ храмѣ въ дивитисій, въ виду предстоящей коронаціи, вмѣстѣ съ тѣмъ надѣлъ *χαρκάγια* καὶ χαρκότοοβα. Изъ этихъ фактовъ можно заключить: 1) что до храма Пресвятой Богородицы Фора Константина какъ Василія съ Константиномъ, такъ и Никифоръ Фока ѣхали не въ кампагіяхъ и кампотувахъ, а 2) что соб-

¹⁾ Относительно *χαρκάγια*, *саpраgи* см. статью *Saglio* въ его *Diction. des antiquités s. v. саpраgus*, гдѣ на основаніи Іоанна Лидійскаго (*de Magistratib.*, lib. I, с. 17, р. 134 Bonn.), какъ на образцы кампагія патрикіевъ и императоровъ, указывается на обувь Юстиніана и его свиты на равеннской мозаикѣ и на обуви Θεοδοσία Великаго, его сыновей и чиновниковъ на мадридскомъ щитѣ. (Оба эти памятника воспроизведены на таблицахъ, приложенныхъ къ изслѣдованіямъ г. Стржиговскаго и Покровскаго о керченскомъ щитѣ). Обувь на императорѣ керченскаго щита, дѣйствительно, очень походитъ на обувь Юстиніана, Θεοδοσία и его сыновей и потому можетъ быть названа *χαρκάγια*. Хотя такія кампагіи мы видимъ такимъ образомъ на императорахъ при парадномъ мирномъ облаченіи, но изъ этого еще не слѣдуетъ, что коронаціонные, исключительно царскіе кампагіи были именно такого покроя. По свидѣтельству другаго современника Юстиніана, Прокопія Кесарійскаго, отличительная царская обувь, которую могли носить только персидскіе цари, да римско-византійскіе императоры, доходила до колѣнъ (*de aedific.* lib. II, с. I, р. 247); подобнаго же покроя была исключительно царская, парадная обувь и впоследствии (см. *Gl. Gr.* Дюканжа s. v. *τράγγα*). Потому, полагаю, позволительно сомнѣваться въ томъ, что Анастасій для коронаціи надѣлъ именно такія кампагіи, которыя мы видимъ на императорѣ керченскаго щита.

ственно царскіе коронаціонные и вполнѣ парадные камнагіи и кампотувы не входили въ составъ генеральскаго, военнаго параднаго облаченія, въ которомъ ѣхали вышеназванные цари. Такъ какъ подобная разница существовала, безъ сомнѣнія, и въ болѣе древнія времена, то и въ этомъ отношеніи съ г. Стржиговскимъ безъ дальнѣйшихъ разсужденій согласиться трудно. Хотя башмаки на императорѣ керченскаго блюда и могутъ быть названы кампагіями, какъ ихъ опредѣляетъ Іоаннъ Лидійскій, но можно ли считать ихъ за тождественные съ тѣми, въ которые былъ обутъ Анастасій для коронаціи, въ этомъ еще можно сомнѣваться, если принять во вниманіе, что, по свидѣтельству Прокопія, отличительная парадная царская обувь была не только другаго цвѣта, но и другаго покроя, а Анастасій для коронаціи, безъ сомнѣнія, надѣлъ именно такую обувь.

То же самое нужно сказать и о штанахъ или чулкахъ, въ которыхъ изображенъ императоръ на керченскомъ блюдѣ: едва ли въ нихъ можно признать тѣ *τοῦβια* и тѣ *χαλκότηοβια*, которыя надѣли для коронаціи Анастасій и Никифоръ Фока. Штаны императора на керченскомъ щитѣ скорѣе можно назвать *βραχία*, *brassae*, чѣмъ *τοῦβια*, такъ какъ они закрываютъ всю ногу, какъ настоящіе штаны, а не только голени до колѣнъ, какъ *τοῦβια*, *tibiaia* въ собственномъ смыслѣ.

Входитъ здѣсь въ болѣе подробное изложеніе вопроса объ этихъ принадлежностяхъ византійскаго костюма я не считаю умѣстнымъ, такъ какъ я имѣлъ въ виду остановиться на главномъ вопросѣ изслѣдованія г. Стржиговскаго, а главный вопросъ, возбужденный изслѣдователемъ керченскаго щита, вопросъ о тунникѣ, въ которой изображенъ императоръ на керченскомъ блюдѣ, разъясненъ нами, полагаю, достаточно.

О сбруѣ коня, на которомъ ѣдетъ императоръ, мы также уже говорили и разсуждать объ этомъ больше нѣтъ надобности. Мы видѣли, что она также отмѣчена въ обрядахъ въѣздовъ, нами вкратцѣ изложенныхъ, и, какъ облаченіе императора, имѣетъ отношеніе къ обрядамъ въѣздовъ въ городъ послѣ побѣдоноснаго похода.

На сколько эти обряды ближе подходятъ къ изображаемой на керченскомъ щитѣ сценѣ, чѣмъ взятые г. Стржиговскимъ, и на сколько они лучше объясняютъ сцену на щитѣ, чѣмъ обряды коронацій и богомольныхъ выходовъ, охотно предоставляю судить читателямъ. Ἀχῆράατε, ἔχεται, δικάζεται.

Д. Бѣляевъ.

31-го марта 1893.
Казань.